

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Материалы
научно-методического семинара

(Республика Беларусь, Минск, 28 февраля 2018 года)

Минск БГУИР 2018

УДК 321.02:94(4)
ББК 66.0
И90

Редакционная коллегия:
А. А. Киселев, А. Л. Самович

И90 **Исторические** аспекты политической теории : материалы научно-методического семинара (Республика Беларусь, Минск, 28 февраля 2018 года) / редкол. : А. А. Киселев, А. Л. Самович. – Минск : БГУИР, 2018. – 71 с.
ISBN 978-985-543-403-1.

Представлены материалы научно-методического семинара, посвященного историческим аспектам таких политических явлений и процессов, как идеология, национализм, глобализация, генезис государства и становление политических элит, а также перспективным направлениям исследований в социальных науках.

УДК 321.02:94(4)
ББК 66.0

ISBN 978-985-543-403-1

© УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», 2018

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В XXI ВЕКЕ

УДК 930.2:94(47).084.8

Я.П. Безлепкин

Институт истории НАН Беларуси

За последние десятилетия в научных исследованиях сделан большой шаг вперед. В наибольшей степени это характерно, конечно, для технических дисциплин. Гуманитарии оказались в состоянии «догоняющих», поскольку информационные технологии выполняли преимущественно вспомогательные функции. Проще говоря – компьютер используется в основном для набора текстов.

Едва ли стоит этому удивляться. Для исторической науки любой страны характерен определенный консерватизм. Давно разработаны основные методологические подходы, выработаны критерии оценки научных текстов. Хорошо известны архивные учреждения, куда активно стремятся исследователи прошлого в поисках новых документов. Несмотря на стремительный рост доступной для изучения информации, многие вопросы исследованы фрагментарно. Среди них – отражение в англо-американской историографии потерь СССР (включая БССР, как одной из советских республик) и Германии в годы Великой Отечественной войны, участие белорусов и уроженцев Беларуси в боевых действиях, в том числе при освобождении стран Европы от нацизма.

В историографии США и Великобритании на протяжении 1945–2017 гг. выразительно прослеживается тенденция несбалансированного подхода к проблематике военных потерь СССР и Германии в период Великой Отечественной войны. Большой корпус исторической, политологической и научно-популярной литературы сформировал устойчивое представление западных читателей о больших людских потерях Советского Союза, о чрезмерной цене победы, о тоталитарном сталинском режиме, который якобы не жалел свое население. Преувеличение потерь советской и преуменьшение потерь немецкой сторон имело определенные политические и идеологические корни.

Как отмечал современный немецкий исследователь Д. Айххольц, преступления генералитета, представителей германских элит (представителей капитала и высшей бюрократии) были нивелированы оправдательным приговором для большинства высокопоставленных подсудимых, вынесенными судами западных оккупационных государств на процессах, которые проходили в условиях начатой «холодной войны» [1, с. 83–84].

В 1954, 1956 и 1969 гг. в Западной Германии был издан трехтомник, подготовленный генерал-майором вермахта Б. Мюллером-Гиллебрандом. Эта работа считается одной из лучших по истории германской армии. Для нас же важно, что автор кроме всего прочего затронул вопрос немецких потерь и то, чем отличались боевые действия на Западном фронте от Восточного. Оценивая характер боев на советско-германском фронте, Б. Мюллер-Гиллебранд писал:

«До войны с Советским Союзом немецкая армия несла удивительно маленькие потери. Во всех прошлых военных кампаниях с начала войны немецкие сухопутные силы потеряли убитыми и пропавшими без вести в целом меньше 100 тысяч человек. Столько же только убитыми потеряли уже в первые восемь недель войны против Советского Союза» [2, с. 284].

В совместной работе американских исследователей Д. Глентца и Дж. Хауса «Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера» (1995 г.) есть цифры как немецких, так и советских потерь. Немецкие цифры взяты с работы «От Сталинграда до Берлина: германское поражение на Востоке», подготовленное Центром военной истории армии США и опубликованное в 1968 г. [3]. Советские потери цитируются по известному сборнику «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование» (1993 г.), подготовленным под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева [4]. В то же время прямое сравнение цифр невозможно, поскольку этими исследователями взяты разные хронологические периоды. Однако в монографии Д. Глентца «Барбаросса: гитлеровское вторжение в Россию, 1941» [5], опубликованной в 2001 г., приводятся уже другие цифры немецких и советских потерь и хронологические периоды.

Не меньшие сложности возникают при попытке подсчета потерь во время антипартизанских операций на оккупированной территории СССР. Например, в известной работе американского историка Э. Хауэлла «Советское партизанское движение 1941–1944» [6], основанной на использовании большого количества немецких документов, нет сводной статистики немецких потерь. Вместе с тем автор неоднократно приводит подсчеты количества взорванных рельсов, подорванных партизанами автомобилей, как и потери самих советских партизан.

Противоречивую картину потерь можно найти в немецких документах, которые находятся в Национальном архиве Республики Беларусь («*Общие данные о потерях в живой силе частей, подчиненных командующему генералу охранными войсками и командующему тылом группы армий «Центр» за период нахождения в подчинении по состоянию на 31 декабря 1942 года*»). С 24 июня по 11 декабря 1942 г. потери немецкой 221-й охранной дивизии составили: убито 9 офицеров, ранен 31 офицер, пропало без вести 2 офицера, убито 392 унтер-офицера и рядовых, ранено 787 и пропало без вести 194 [7].

Историк из Великобритании Б. Шеферд, изучив деятельность этой же дивизии на основе ее военного дневника из Национального архива США, приводит другие данные. За период с 21 июня по 31 декабря 1942 г. убито 125 человек и ранено 194. За этот же период убито 606 партизан [8, р. 502]. Однако в ежемесячных немецких рапортах последние цифры увеличились до 131 убитого и 207 раненых офицеров и рядовых самой дивизии, а также до 981 убитого партизана [8, р. 503]. Расхождения в подсчетах не позволяют однозначно оценить соотношение потерь.

В 1985 г. в журнале «Foreign Affairs» («Международные отношения») была опубликована рецензия на сборник «Влияние Второй мировой войны на

Советский Союз». Характерно, что автор рецензии Дж. Кемпбелл в первом же предложении подчеркнул: «Возможно самые слабые западные исследования по СССР касаются периода Второй мировой войны и ее последствий» [9, р. 374]. На наш взгляд, эта оценка нуждается в уточнении – во всех западных исследованиях по истории СССР периода Второй мировой войны наименее изученной является тема немецких и советских людских потерь.

Отметим, что сравнительный анализ потерь Германии и СССР должен включать не только и не столько общие цифры за все годы войны. Необходимо учитывать концентрацию сил на важнейших участках фронта, возможность быстрого перебрасывания резервов с других участков, роль разведывательных данных в планировании военных операций и выделение для этого необходимых материально-технических и людских ресурсов.

Есть отличия при изучении потерь во фронтовых сражениях и антипартизанских операциях. Например, реализация немецкого плана «Барбаросса» в 1941 г. сопровождалась сравнительно небольшими потерями гражданского населения. Такая же ситуация наблюдалась и при проведении советской стратегической наступательной операции «Багратион». Однако за годы нацистской оккупации количество убитых мирных жителей на оккупированной территории резко выросло.

Важная роль при планировании военных операций отводилась разведке. Обладая надежными сведениями о противнике, командование (как советское, так и немецкое) могло концентрировать на наиболее важных участках мощные группировки войск. Летом 1941 г. провести серию быстрых ударов получилось немецкому командованию, в то же время летом 1944 г. во время операции «Багратион» стремительные операции против немецких войск успешно провело советское командование. На эту особенность обратил внимание известный американский военный историк, автор многочисленных работ по Второй мировой войне В. Данн в своей работе «Советский блицкриг: Битва за Беларусь, 1944»: «Первая фаза битвы за Беларусь, которая привела к уничтожению германской группы армий «Центр», является прекрасным примером советского блицкрига» [10, р. 2].

Недостатки англо-американской историографии в отношении людских потерь могли бы нивелироваться достижениями немецкой историографии. Однако и там есть серьезные проблемы. Материалы сборника немецких историков «Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований» (в 1997 г. этот сборник был издан на русском языке в России) свидетельствует, что критический разбор немецкой статистики людских потерь заслуживает отдельного и глубокого исследования. Один из авторов этой работы, немецкий историк Р. Оверманс, показал, что даже сейчас в немецкой историографии вопрос людских потерь вермахта остается очень чувствительным, а единых, согласованных цифр до настоящего времени, как это ни удивительно, не существует [11, с. 681–695].

Как бы там ни было, можно с уверенностью говорить о том, что изучение людских потерь возможно только с привлечением архивных материалов, а также работ известных исследователей. В этом плане ценными являются работы российских и белорусских историков Г.Ф. Кривошеева, М.А. Гареева, А.М. Литвина, В.В. Гуркина и других [4; 12; 13; 14].

Какую помощь могут оказать информационные технологии при изучении такого сложного вопроса, как цифры людских потерь? Один из вариантов – создание онлайн-баз данных в интернете. В качестве примера стоит назвать проект «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» (<http://db.narb.by>), созданный Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальным архивом Республики Беларусь и Белорусским фондом мира при поддержке российского фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память». Заслуживают внимания также российские проекты «Подвиг народа» (<http://podvignaroda.ru>) и «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru>), разрабатываемые Министерством обороны России.

К сожалению, документы из этих баз данных фактически не используются нашими зарубежными коллегами из Великобритании и США. Не будем делать догадок, что именно препятствует американским и британским историкам использовать ценную и на этот раз полностью открытую для всех информацию по истории Великой Отечественной войны. Однако с уверенностью можно говорить о том, что на развитие историографии оказывают влияние не только научные, но и вненаучные факторы.

Выкладывание в открытый доступ миллионов архивных документов можно только приветствовать. В то же время обработать такое огромное количество материалов за короткое время не представляется возможным. Именно в этом вопросе, на наш взгляд, историкам могли бы помочь компьютерные технологии – от создания простых сайтов до разработки программного обеспечения для автоматизированной обработки миллионов документов. В XXI в. для этого есть все возможности.

Список источников и литературы

1. Айхгольц, Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма / Д. Айхгольц // Новая и новейшая история. – 2002. – № 6. – С. 62–89.

2. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М.: Изографус, 2002. – С. 284.

3. Ziemke, E.F. Stalingrad to Berlin: the German defeat in the East / E.F. Ziemke. – Washington : Office of the Chief of Military History, 1968. – 549 p.

4. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 415 с.

5. Glantz, D. Barbarossa: Hitler invasion in Russia, 1941 / D. Glantz. – Brimscombe Port : Tempus Publ., 2001. – 256 p.
6. Howell, E. The Soviet partisan movement, 1941–1944 / E. Howell. – Washington : Department of the Army, 1956. – 217 p.
7. Общие данные о потерях в живой силе частей, подчиненных командующему генералу охранными войсками и командующему тылом группы армий «Центр» за период нахождения в подчинении по состоянию на 31 декабря 1942 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 510. Оп. 1. Д. 94. Л. 122–123.
8. Shepherd, B. Wehrmacht security regiments in the Soviet partisan war, 1943 / B. Shepherd // European History Quarterly. – 2003. – Vol. 33. – № 4. – P. 493–529.
9. Campbell, J. Review on The Impact of World War II on the Soviet Union // J. Campbell // Foreign Affairs. – 1985. – Volume 64. – Number 2. – P. 374
10. Dunn, W.S.Jr. Soviet blitzkrieg: the battle for White Russia, 1944 / W.S. Dunn. – Lynne Rienner Publishers, 2000. – 252 p.
11. Человеческие жертвы Второй мировой войны в Германии // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – Перевод с немецкого. – М.: «Весь мир», 1997. – 700 с.
12. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
13. Людские потери СССР в годы Второй мировой войны: сборник статей. – С.-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. – 192 с.
14. Литвин, А.М. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны / А.М. Литвин // Наука и инновации. – 2015. – № 5. – С. 4–16.

РОЛЬ ДВИЖЕНИЯ «МОЛОДАЯ ИРЛАНДИЯ» В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

УДК 323.1:94(415) ''1801/1900''

А. М. Белявский

Белорусский государственный университет

Идеологически ирландский национализм обычно возводят к основанному в конце XVIII в. под влиянием идей Великой Французской революции обществу «Объединенных ирландцев» и его отцом-основателем считают Уолфа Тона, однако фактически он сформировался в середине XIX в., в контексте политических движений 1820–40-х гг. за расширение гражданских и экономических прав (эмансипацию) и отмену Акта Унии 1801 г., возглавлявшихся Дэниелом О'Коннелом. Агитация репилеров (от англ. repeal – отмена), специфически ограниченная поначалу конфессиональными рамками, развилась в требование независимости для всего острова в общих интересах его «народа» (англ. Nation), включавшего как католиков, так и протестантов, выдвинутое группой молодых участников Ассоциации репилеров (основанной О'Коннелом в 1830 г.). Официальным органом отколовшейся группы с 1847 г. стала Ирландская конфедерация, но гораздо более известным стало ее неофициальное наименование «Молодая Ирландия». С новым движением были связаны имена многих будущих выдающихся политических и культурных деятелей Ирландии (и США), несмотря на его весьма скромный прямой политический эффект. Название было получено в насмешку от недоброжелателей, по аналогии с «Молодой Германией» и «Молодой Италией». Непосредственных связей с этими движениями «младоирландцы» не имели, но параллели в направлениях деятельности между ними действительно можно провести. Как итальянский и немецкий «аналоги», «Молодая Ирландия» находилась под сильным влиянием идей романтизма и складывалась из культурной и политической составляющих, подпитывавших друг друга.

Первые лидеры младоирландцев – литераторы Томас Осборн Дэвис, Чарльз Гаван Даффи, Джон Блэйк Диллон – оказались во многом противоположностью своего состарившегося учителя О'Коннела (1775–1847). Он был ревностный католик, этнический кельт из некогда знатного, но лишенного прав и обедневшего рода, свободно владевший ирландским языком, но прагматично предпочитавший говорить на английском, за которым видел будущее. Юность О'Коннела была омрачена кровавыми сценами французской революции (в эпицентре которой он оказался в 1790 г., будучи отправленным на обучение по протекции родственника), жестоко подавленного восстания «Объединенных ирландцев» 1798 г. и дублинского мятежа Роберта Эммета в 1803 г. – после чего до конца жизни он оставался принципиальным противником насилия. Его молодые оппоненты, в основном выходцы из протестантского среднего класса, родились десятилетием позже бурного окончания предыдущего века, и для них эти события уже стали легендой, притягательной своим романтическим духом, равно как

и загадочный незнакомый им древний язык ирландских крестьян и изгнанной кельтской знати.

Они стали свидетелями банкротства политики «моральной силы», ярко выразившегося в роспуске О'Коннелом (под давлением английской администрации) грандиозного митинга в Клонтарфе в 1843 г., когда недалеко от Дублина на месте древней столицы Тары и поле исторического сражения с датчанами ожидалось собрание около миллиона ирландцев [1, с. 196]. Они понимали необходимость новых форм идеологической и политической борьбы. Концепция национализма, разработанная младоирландцами, была значительно более цельной, чем у О'Коннела, всегда ориентировавшегося исключительно на католиков, и по сути возрождала идеи Уолфа Тона, в основу «национальной идеи», способной объединить всех ирландцев независимо от вероисповедания и социального статуса, положившего демократические идеалы французских якобинцев (а также пропагандировавшего их методы борьбы).

Неофициальным лидером движения был Томас Осборн Дэвис (1814–1845), дублинский адвокат, сын валлийца – военного хирурга, и ирландки из древней аристократической фамилии (О'Салливан Бир), член Ассоциации репилеров с 1839 г. Взгляды и образ мыслей Дэвиса характеризует его собственный лозунг: «Идеал Ирландии – нация, разбившая все оковы». Как отмечает английский историк Томас Альфред Джексон, «О'Коннел, видевший все спасение в том, чтобы убедить ту или иную английскую партию в целесообразности и уместности отмены унии, порой был склонен впадать в жалобный тон, а порой и в неистовство. Дэвис не делал ни того, ни другого. Его проповедь всегда была мужественной, всегда дышала самоуважением, а это было необходимым условием уважения со стороны других» [1, с.203]. Подрик Пирс, лидер Пасхального восстания 1916 г., символически сравнивал Дэвиса с Тоном, которого считал основателем ирландского республиканизма: «Уолф Тон отличался глубоким гуманизмом; и такой же гуманизм был свойственен Дэвису. Страдания народа поражали Дэвиса, как личные страдания... Он был демократом в том истинном смысле, что любил народ, и любовь к народу была неотъемлемой чертой этого человека и его национального мировоззрения» [1, с.203].

«Молодые ирландцы» ощущали необходимость в некоем центре, фокусирующем и выражающем их устремления, и создали газету, которую так и назвали: «Нэйшн», («Нация», «The Nation»), возможно, самое динамичное и эффективное периодическое издание из существовавших в то время в Западной Европе. Редактором газеты был Даффи, но ключевую роль в ней, как и в «Молодой Ирландии» играл Дэвис. Девиз издания говорил о его просветительских целях: «Выучи – ты должен быть Свободен» («Educate that you must be Free»). «Нэйшн» стала первой националистической газетой в Ирландии (газету, которую издавал О'Коннел – «Пайлот» («The Pilot») – нельзя отнести к таковым, поскольку концепция О'Коннела не была собственно националистической, а выражала лишь интересы одной из религиозных групп страны).

Первый еженедельный номер «Нэйшн» вышел 15 октября 1842 г. и был продан в количестве 12 тысяч экземпляров, на протяжении нескольких лет своего существования газета пользовалась огромной популярностью (тираж достигал четверти миллиона экземпляров – наибольший среди печатных изданий в Ирландии) главным образом из-за литературной части, в которой публиковались песни, сочиненные известными (с газетой сотрудничали Джеймс Кларенс Манган и Сэмюэл Фергюсон, одни из первых крупных представителей ирландской поэзии на английском языке) и неизвестными авторами и посвященные различным событиям ирландской истории, особенно – восстанию 1798 г., наследниками традиций которого считали себя «молодые ирландцы» (14 января 1843 г. издатель отмечал, что газета получает не менее двадцати исторических песен в неделю [3, p. 10]. Особенно преуспел на ниве сочинительства песен Томас Дэвис, перу которого принадлежат такие приобретшие символическое значение для республиканцев творения, как «Снова – нация», «Запад не спит», «Родные мечи», «Драгуны из Клэра», «Могила Тона», «Плач о смерти Оуэна Ро О'Нила» («A Nation Once Again», «The West's Asleep», «Native Swords», «Clare's Dragoons», «Tone's Grave», «Lament for the Death of Eoghan Ruadh O'Neill»). Все эти песни заняли видное место в национальной традиции повстанческих песен, сформированной в ее нынешнем виде, по сути, в конце XVIII в. стараниями младоирландцев, увидевших в них эффективнейшее средство популяризации своих «возрожденческих» представлений об истории и формирования национальной идентичности.

Еще одна широко известная песня, появившаяся в журнале – «Память об умерших» («The Memory of the Dead») Джона Келлса Инграма, уже своим названием обозначает направление пропаганды ирландских националистов, ставшее вскоре магистральным. О том, насколько важным средством политической борьбы была такая внешне культурная активность, свидетельствует то, что впоследствии песня фигурировала в качестве одного из 47 пунктов обвинения на судебном процессе 1844 г. против О'Коннела и восьми других лиц, включая редактора «Нэйшн» Даффи. В 1843 г. лучшие песни из числа публиковавшихся в «Нэйшн» были изданы отдельным сборником «Душа нации» («The Spirit of the Nation»), неоднократно переиздававшимся (более пятидесяти изданий). Дэвисом также был запланирована ежемесячная серия «Библиотека Ирландии» («The Library of Ireland»), начавшая выходить уже после его смерти (1845 – 1847), значительную часть которой составили его же собственные «Литературные и исторические эссе и поэмы» («Literary and Historical Essays and Poems») [4].

Важной особенностью новых песен явилась их тональность. Патрик Гэлвин, автор работы «Ирландские песни сопротивления», разделил (пусть и несколько резко) все ирландские песни на два типа: «причитания» (lament) и «призывы» (rallying cry) [5, p. 2]. Многие из них содержат оба этих элемента. Большинство пользуется описательной или полуописательной техникой. Даже ирландские песни о любви, в основном, подпадают под эти категории. Основная их часть – «причитания», некоторые – «призывы», многие соединяют различные категории. Например, «Генри Джой Мак-Крэкен» («Henry Joy McCracken», версия,

приписываемая Уильяму Дреннану, журналисту, поддерживавшему «Объединенных ирландцев» и посвященная одному из вождей того восстания) – уличная баллада, а также описательная песня о любви, плач о погибшем, политическая песня о событиях 1798 г. [5, р. 34] Еще в начале XIX в. в народной традиции, тогда еще преимущественно на ирландском языке, доминировали «причитания», что подтверждают заметки путешественников, и рассуждения самого Дэвиса, негодовавшего по поводу «унылости» большинства ирландских политических песен [6, р. 206]. Для «исправления» этого недостатка Дэвис приложил все силы лично.

Многие лирические песни того периода в действительности представляют собой «закодированные» политические послания, в которых женское имя (Эрин, Грайне, Кэтлин Ни Улиэн, Нора Криона) подразумевает персонифицированную нацию. Истоки подобных метафор можно увидеть в традиционной форме ирландской поэзии «видение» (aisling), чей сюжет был неизменно связан с мифической богиней или феей (Spéirbhean), в которую влюблялся герой. С появлением национализма и распространением английского языка эта форма стала использоваться как аллегория, в которой богиня ассоциируется с Ирландией, а герой должен вернуть свободу своей возлюбленной, оскорбленной врагами (саксами).

Использование метафорических имен делало многие националистические баллады похожими на песни о любви, эта практика распространилась в годы Карательных законов (1692– 1776), введенных в действие под предлогом защиты англиканской Церкви Ирландии от посягательств католиков. В эти годы даже простое исполнение «неполиткорректной» песни могло стать фатальным для неосторожного, впоследствии эти имена стали частью поэтической традиции, продолжая, однако, вводить в заблуждение непосвященных. Прекрасный пример такой путаницы – «Черная роза» («Dark Rosaleen»), стихотворение, написанное Джеймсом Кларенсом Манганом по мотивам ирландской песни «Róisín Dubh», и в качестве лирической баллады, попавшей в английский литературный сборник («Oxford Book of English Verse»). Данное стихотворение весьма любопытно по своей структуре: если не читать первого и последнего куплетов, его действительно легко можно отнести к любовной лирике, но первый куплет намекает на надежды о помощи из Испании, которые питали ирландцы в XVI в. (упоминанием «испанских вин», которые «вернут цвет» устам возлюбленной героя, символически названной Черная Роза). Последний же куплет служит отличным примером того, как лирическая песня превращалась в средство политической агитации:

Красным Эрн потечет,
Кровью полон до дна,
Всю землю шаг наш сотрясет,
В огонь падет страна,
Лощины разбудит гром,
Тогда придет лишь срок

С тобой увянуть нам вдвоем,
Мой черный цветок!
Мой дивный цветок!
Увидим встречу с Судным Днем,
Тогда умрем с тобой вдвоем,
Мой черный цветок! [5, p. 81, перевод мой – А.Б.]

Подрик Пирс иронически прокомментировал: «Можно ли предположить, что эти апокалиптические возмущения приведут к законодательно установленному подчинению имперскому парламенту в Вестминстере, чья верховная власть над Ирландией останется нетронутой?» [7, p. 237].

Почти открытый призыв к восстанию, содержащийся в песне, иллюстрирует важнейшую черту, отделившую младоирландцев от репилеров, и в то же время не позволившую им достичь значительного успеха. Героизируя прошлое Ирландии как историю борьбы за независимость и воспевая вождей прошедших восстаний как мучеников за свободу, некоторые лидеры «Молодой Ирландии» в своих публичных выступлениях начали намекать на использование насильственных средств достижения политических целей, правда, в довольно туманной форме, говоря о готовности «в случае необходимости» взяться «за меч». Автор выражения, будущий герой гражданской войны в США, Томас Фрэнсис Мар (его фамилия закрепилась в русскоязычной историографии в американизированной версии произношения: Мигер) получил за него прозвище Мар С Мечом (Meagher of the Sward). Однако даже такие неявные декларации дали возможность сыну и преемнику Дэниела О'Коннела – Джону – обвинить «Молодую Ирландию» в «вере в физическую силу» [2, с. 214] и тем самым дискредитировать движение среди масс своих сторонников умеренного толка. Кроме того, старший О'Коннел сумел ловко сыграть на предложениях Дэвиса создать университетские колледжи в Белфасте, Голуэе и Корке с правом поступления независимо от принадлежности к той или иной секте, обвинив его в безбожии, попутно противопоставив национализм католицизму [2, с.210]. Сам Дэвис вскоре после этого – 15 сентября 1845 г. – скончался, проболев всего несколько дней. «Солнце покинуло небеса», – сказал по этому поводу Даффи. Ему вторил издатель газеты «Юнайтед Айришмэн» и один из лучших журналистов «Нэйшн» Джон Митчел: «Потеря этого замечательного и благородного ирландца была невозполнима ни для его страны, ни для его друзей» [2, с.211]. В честь Дэвиса было написано множество поэм, самая известная из которых – «Плач о Томасе Дэвисе» Сэмюэла Фергюсона («Lament For Thomas Davis»). Фергюсон не был членом «Молодой Ирландии», но симпатизировал Дэвису, известие о смерти которого получил, будучи сам болен, что отразилось в поэме – одном из лучших образчиков ирландской поэзии середины XIX в.

Новые лидеры движения, оформившегося в Ирландскую конфедерацию – Митчел, Мар и Уильям Смит О'Брайен, были уже настроены на более решительные действия, чем основатели «Нэйшн». К этому их подталкивали и революци-

онные события в Европе. Мар, посетивший в 1848 г. Францию, вернулся с проектом нового ирландского флага – зелено-бело-оранжевого триколора, подарка французских революционеров. Однако Ирландия была уже опустошена чудовищным голодом, а британские власти оперативно отреагировали, обвинив всех троих лидеров «Нэйшн» в подстрекательстве к восстанию. Смит О’Брайен сумел оправдаться, но Митчел и Мар были признаны виновным и присуждены к смертной казни, замененной затем на пожизненную каторгу в Тасмании (откуда оба бежали в США, где к ним вскоре присоединился и еще один из вождей младоирландцев, Майкл Дохени). В итоге, когда что-то, похожее на реальное восстание – крестьянское возмущение в Баллинггарри, графство Типперери – стихийно вспыхнуло, Смит О’Брайен, самый миролюбивый из упомянутой троицы, возглавил его по долгу совести, но все вылилось в позорное поражение, оставшееся в истории под названием «Сражение за капустный огород вдовы Маккормака» [8, с. 190]. Нападение двух десятков отчаявшихся крестьян на дом вдовы сельского джентри, где укрепились полиция, было отбито, а нападавшие разбежались. Смит О’Брайен был вскоре также арестован и выслан.

Тем не менее, несмотря на внешне бесславное завершение, и относительно неловкую политическую деятельность, движение «Молодая Ирландия» сыграло важнейшую роль в организационном и идейном оформлении ирландского национализма (и более узко – республиканизма) в том виде, в каком он существует практически до сегодняшнего дня. Это выразилось в двух основных тенденциях, продолженных их непосредственными последователями. Разрыва в цепочке преемственности длиной в десятки лет, как между «Объединенными ирландцами» и «Молодой Ирландией» больше не возникало. Первой из этих тенденций был культурный национализм – начало создания национальной мифологии, как основы общей идентичности всех ирландцев независимо от этнического происхождения и вероисповедания, из разрозненных баллад и преданий о героическом прошлом, с особым акцентом на мученичестве во имя национальной идеи, и позиционирование ирландского языка как центра этой идентичности. Дэвис считал себя в первую очередь историком, и видел свою задачу в том, чтобы вернуть своему народу забытую национальную историю, «воспевать или проклинать картины славы и почета, либо позора и печали; рисовать в воображении оружие, жилища, парламенты, сражения минувших дней; заставить нас проникнуться страстями великих времен; воспитать в нас любовь к самопожертвованию, справедливости, красоте, мужеству, достойной жизни и храброй смерти; вернуть в наши души память о великих людях, которые затем станут примерами и судьями наших действий – в этом высочайший долг истории, и лучше всего этому учит Историческая Баллада» [9].

Вторая тенденция – принципиальная приверженность насильственным методам достижения политических целей, рассматриваемых как продолжение исконных ирландских традиций восстаний и единственно эффективное средство борьбы с английской колонизацией. По-видимому, идея создания подпольной

революционной организации для свержения британского владычества и основания Ирландской республики родилась в Париже, приблизительно в начале 1850-х гг., где после провала восстания 1848 г. скрывались от английских властей некоторые из участников общества «Молодая Ирландия»: Джеймс Стивенс, Томас Кларк Луби и Джон О'Махоуни. Первые двое затем вернулись в Ирландию и в День святого Патрика, 17 марта 1858 г. основали Ирландское республиканское братство. О'Махоуни создал аналогичную организацию в США – Фенианское братство (названное в честь мифологических ирландских воинов), позднее переименованное в Клан на Гэл. Термин «фениии», символически связывающий культурный и политический крайний национализм, прижился и стал синонимом ирландских республиканцев по обе стороны Атлантики. Обе подпольные организации сыграли ведущую роль во всех последующих вооруженных восстаниях в Ирландии, память о которых отныне немедленно увековечивалась в песнях.

Список источников и литературы

1. История Ирландии / Л.И. Гольман, А.Д. Колпаков, В.Э. Кунина, Ю.М. Сапрыкин. Отв. ред. – М.: Мысль, 1980. – 390 с.
2. Джексон, Т.А. Борьба Ирландии за независимость. / Пер. с англ. Р.А. Розенталь и Г.В. Конюшкова. Предисл. В. Григорьева. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. – 363 с.
3. Zimmermann, G.-D. Songs of Irish Rebellion. Political street ballads and rebel songs / G.-D. Zimmermann. – Dublin: Allen Figgis, 1967. – 342 p.
4. Lyons, J. Thomas Osborne Davis [Electronic resource] / J. Lyons // From-Ireland.net [website]. – Mode of Access: <http://www.from-ireland.net/po-em/thomas-osborne-davis/> – Date of Access: 15.10.2018.
5. Galvin, P. Irish Songs of Resistance. – London: Workers' Music Association, 1958. – 102 p.
6. Davis, T. Irish Music and Poetry / T. Davis // Essays and Poems. Selections from his Prose and Poetry. – London: Fisher Unwin, 1915. – 368 p.
7. Pearse P. Ghosts // Political Writings and Speeches. – Dublin: Phoenix Publishing Co. Ltd., 1924. – P. 219–255.
8. Невилл, П. Ирландия: История страны / П. Невилл; пер. с англ. Н. Омелянович под ред. К. Ковешникова. – М.: Эксмо; Спб.: Мидгард, 2009. – 352 с.
9. Famous People: Thomas Davis [Electronic resource] // Mallow: Tourist Information [website]. – Mode of Access: <http://www.mallow.ie/tourist/t-d.htm>. – Date of Access: 08.11.2007.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭЛИТНЫХ СЛОЕВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

УДК 323 (477)

А.В. Беляев

Белорусский национальный технический университет

Политическая элита является, без сомнения, важнейшим социальным слоем, который оказывает прямое влияние на все политические и социально-экономические процессы в обществе. При этом элиты современного общества и протоэлиты более древнего периода имеют существенные различия, как в плане осуществляемых функций, так и по своим качественным характеристикам, способам циркуляции и рекрутирования и другим признакам.

Вопрос о формировании элитных слоев на белорусских землях в настоящее время имеет особое значение. В рамках суверенного государства, которым Республика Беларусь стала чуть более четверти века назад, существует необходимость создания национальных парадигм исторических и политических процессов для оправдания самого факта его (государства) существования. Поиски «исторических корней» при этом вызывают у некоторых исследователей соблазн модернизации истории, попытки тенденциозного подбора фактов для оправдания сложившейся ныне ситуации, а также произвольное использование искусственно расширенных или, наоборот, урезанных толкований тех или иных терминов и категорий науки. В условиях недостаточной проработки ряда тем, а также отсутствия корреляции между исследованиями в области истории и в политической сфере, это может привести к возникновению ложных теоретических конструктов.

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют комплексные исследования по истории элит, а отдельные публикации могут давать не совсем верное представление о веках эволюции этой важной социальной группы. Так, например, в научно – популярном издании «Из истории благородного сословия в Беларуси и соседних государствах» в качестве элитарных слоев на белорусских землях рассматривается лишь шляхетско-рыцарское сословие «Литовско-русского» государства и Речи Посполитой [1]. При этом полностью игнорируется этап Древнерусской государственности как начальный период формирования политической иерархии на землях Белоруссии.

Или, к примеру, в статье С.Ф. Шимуковича «Актуальные вопросы изучения национальной белорусской элиты в XIX – начале XX века» содержится произвольное расширительное употребление термина «элита»: «В данном исследовании понятие «элита» рассматривается не в узком смысле политической элиты как носителей власти, облеченных официальным статусом государственных деятелей либо руководителей более низкого ранга, а как наиболее активной, творческой части общества, способной сформулировать некую идею и попытаться повести за собой остальное общество в его достижении. Данное понимание элит использует принципы, сочетающие особенности структурно-функционального

подхода к анализу социальных групп общества, так и критерии ценностной оценки социальных групп, претендующих на роль элиты» [2, с. 207]. Несмотря на утверждения автора о попытке сочетать в своем определении ценностный и структурно-функциональный подходы, на самом деле мы видим здесь именно меритократическое, ценностное понимание элиты как наиболее мудрых и достойных представителей народа. При этом их место в социальной и политической иерархии, возможность реально оказывать влияние на принятие политических решений никак не учитывается.

Кроме того, на наш взгляд, в данном случае речь идет о попытке подмены понятий: элита политическая и элита в сфере культуры. На роль политической элиты ставятся представители белорусской национальной интеллигенции середины XIX - начала XX века, которые на самом деле к таковой не относились. Мелкое дворянство (в основном польского происхождения, либо из числа местной ополяченной шляхты), разночинная интеллигенция (в основном католического вероисповедания) – это те слои общества, из которых вышли первые представители белорусского национального движения (В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, И. Луцкевич, А. Луцкевич, А. Пашкевич и др.). С политологической точки зрения их с натяжкой можно отнести к представителям «правлящего класса», но никак не к элите.

Представляется, что в исторических работах необходимо все же определять термин «элита» в классическом (и достаточно широком) политологическом понимании, как «высший слой в любой социально-политической системе, обеспечивающий ее интеграцию и выполняющий управленческие функции (как, например, аристократия в традиционных обществах)» [3, с. 230]. При таком подходе, как утверждает один из наиболее авторитетных российских исследователей-элитологов Г.К. Ашин, элита может рассматриваться как внеисторическая категория, присущая любому обществу [3, с. 230]. С точки зрения научного анализа, такая позиция дает нам более точные критерии отнесения тех или иных лиц и социальных слоев к элитным группам и исключает спекуляции по данному вопросу. Также, как кажется, в исторических исследованиях необходимо более точно разграничивать понятия «правлящий класс», «правлящая элита» и «политическая элита». Если политическая элита – это высокоинтегрированная группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения [3, с. 254–255], то в правящую элиту также входит экономическая элита, контролирующая материальные и финансовые ресурсы общества (а в информационном обществе в состав правящей элиты должны входить научная и культурная элиты) [3, с. 255].

При этом для феодального общества, сформировавшегося на белорусских землях в эпоху Древней Руси (IX–XII вв.) и продолжившего существование в условиях становления Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а также и в период Речи Посполитой, характерным явлением было объединение в рамках феодального сословия политической, экономической и научно-культурной элиты, что было обусловлено господствующим положением

феодалов и отсутствием каких-либо социальных лифтов для представителей непривилегированных сословий.

В древнерусский период основой элитной группы становится княжеская династия и сгруппированная вокруг нее дружина. Если принять за основу летописные сведения о призвании варягов на Русь, то можно предположить, что первые князья (Рюрик, Олег, Игорь, а также и Рогволод в Полоцком княжестве) и их дружинники имели скандинавское (варяжское) происхождение. Однако «норманнской» этнократии на русских землях, по-видимому, не сложилось, так как варяжский элемент быстро был разбавлен славянским. Однородности общества способствовало и принятие христианства в варианте византийского православия, которое стало общей религией и высшего слоя, и простых подданных.

Представители княжеской династии в более поздний период, при Владимире и Ярославе Мудром, благодаря практике раздачи княжеств в уделы сыновьям, превратились в высший слой общества, который по современной классификации можно считать высшей элитой. Дружина – это прообраз средней политической элиты. Она делилась на высшую и низшую: первая состояла из княжих мужей, или бояр, вторая – из детских, или отроков. Помимо военной функции, члены дружины (особенно бояре) составляли основу слабо развитого еще в те времена административно-бюрократического аппарата. К этой элитной группе также примыкали выбираемые горожанами чиновники: посадники, тысяцкие, сотские, десятские. Можно утверждать, что первоначально представители средней элиты были элитой меритократической, элитой заслуг (в дружину попадали за военные доблести или деловые административно-управленческие качества). Однако дружина, особенно боярство, быстро превращается в наследственную элиту, «элилу крови».

В период Великого княжества Литовского можно наблюдать распространение на белорусских землях власти этнических литовских (балтских) князей, что стало началом отдаления местных правящих слоев от подвластного населения. Эта тенденция продолжилась в момент проникновения на земли Великого княжества Литовского католицизма. Кревская уния 1385 г. положила начало традиции, когда правитель в большинстве своем православных земель стал исповедовать чуждую для основной массы подданных религию. Для поддержки князя со стороны правящего слоя в 1413 г. условиями Городельской унии создается возможность перехода в католицизм с получением политических и иных привилегий представителям местной знати, в это же время появляется и распространяется новое название для высшего сословия – шляхта.

В дальнейшем укрепление политических связей с Польшей привело к заключению Люблинской унии 1569 г. и инкорпорации в состав Польского королевства литовско-русских земель. Длительный процесс окатоличивания привел к появлению религиозного разрыва между элитой и массами в Великом княжестве Литовском. Дополненный процессом полонизации, связанным с распространением среди шляхты польского языка и культуры, процесс кардинального изменения национальной и религиозной идентичности правящего слоя привел к появлению

уникального феномена – «польского народа шляхетского», то есть социально-религиозно-национальной группы, занявшей господствующее положение в Речи Посполитой. Данное элитное сообщество не было единым по отношению друг к другу: шляхту разделяют на мелкую, среднюю и магнатов, при этом они обладали разными статусными позициями в политической и экономической системе королевства. Однако в отношении своих «золотых шляхетских вольностей» шляхта выступает интегрированной группой, когда речь шла о покушении на данные вольности со стороны низших слоев или иных религиозных групп.

В период Российской империи политической элитой на белорусских землях было российское дворянство и приравненные к нему представители прежнего шляхетского сословия, которые сумели в ходе процесса «разбора шляхты» доказать свое знатное происхождение. Политика властей императорской России по интеграции бывших земель Речи Посполитой заключалась в том числе в мероприятиях по приближению положения шляхты (многочисленной и по большей части бедной, а также за годы «вольностей» утратившей позиции в госаппарате) к положению русского дворянства (меньшего по численности, но материально более обеспеченного и занимавшего господствующее положение в бюрократической административной машине). При этом в научных исследованиях не нашел подтверждения тезис о широком внедрении в местный административно-государственный аппарат приезжих чиновников из центральных регионов России. Наоборот, доля местных уроженцев на ключевых постах в губернских и уездных учреждениях в середине XIX века составляла 58 % и 80 % соответственно [4, с. 84].

Советский период связан с физическим уничтожением, деклассированием и маргинализацией всех предыдущих элитных групп, с разрушением сословной системы и выдвижением на руководящие посты представителей ранее угнетаемых социальных слоев. При этом сформировалась специфическая номенклатурная система, где главным требованием к элите становится идеологическая преданность режиму, а вовсе не деловые качества. Кроме того, в позднесоветский период формируется клановая система родственно-дружеских связей, что пагубно сказывается на интеллектуальных и деловых качествах политического класса.

Список источников и литературы

1. Из истории благородного сословия в Беларуси и соседних государствах. Изд-е 4, доп. / Сост. Чекалова И.В., ред. Васильева А.Н. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 312 с.
2. Шимукович, С.Ф. Актуальные вопросы изучения национальной белорусской элиты в XIX - начале XX века / С.Ф. Шимукович // Научные труды Республиканского института высшей школы. - 2015. - № 15-1. - С. 205-212.
3. Ашин, Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 600 с.

4. Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Монография / А.А. Киселев. – Минск, 2007. – 171 с.

СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БЕЛОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 316.356.4: 94(47) + 94 (476)

А.Д. Гронский

Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Часть проблем современной идентичности связано с восприятием себя, своей группы или своих предков в прошлом. До 1991 г. существовало государство, называвшееся Союз Советских Социалистических Республик. Его граждане составляли советский народ, представление о котором формировалось на протяжении всей советской власти. Определенное количество людей и родились, и умерли в СССР, не имея опыта жизни ни в Российской империи, ни в постсоветских государствах. На формирование советских представлений работала и идеология. Она также давала определенный эффект в становлении и укреплении представлений о себе, как о советских людях. Вполне логично, что утверждения, которые доминировали в течение почти 70 лет, начинали восприниматься как должное, без критики. Это же происходило и с определением себя как новой общности советских людей. Причем, часть граждан СССР воспринимала себя именно как советских людей, а не как определенную этническую группу. Чаще это проявлялась у лиц, рожденных в смешанных семьях, где ребенок не мог однозначно определить свою этничность в виде этничности отца или матери. После распада Советского Союза самоопределение себя как советских людей перестало быть политически актуальным, но оставалось реальностью, поскольку имело под собой базу, формировавшуюся десятилетиями. Говоря о советской идентичности в прошлом, директор института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая Российской академии наук академик В.А. Тишков пишет: «Национальная идентичность утверждается, прежде всего, через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство» [1]. В СССР эти механизмы утверждения национальной идентичности присутствовали в полной мере. К наиболее явным можно отнести советские революционные праздники, в календарях указывалась дата образования СССР, фиксировались даты рождения и смерти советских революционных деятелей. Биографию В.И. Ленина знал каждый школьник. Огромное количество культурных объектов было посвящено советским политическим деятелям или событиям советской эпохи. Про советскую власть писались книги и снимались фильмы, т. е. постепенно формировалось общество с признаками, не зависящими, в том числе, и от этнических различий. В словаре «Научный коммунизм» об этом говорилось, что советские люди «постепенно приобретают общие, не зависящие от социальных и национальных различий черты поведения, характера, мировоззрения» [2].

Естественно, что представление о советском не могли моментально исчезнуть после распада СССР. Поэтому люди, являющиеся носителями советской идентичности, оставались таковыми и после исчезновения той страны, которая сформировала их самоощущение. Причем, механизм формирования

советскости не исчез. Он преодолел кризис и даже укрепился. В частности, в Российской Федерации по переписи 2002 г. советскими назвали себя всего 99 человек, а перепись 2010 г. показала уже 27 тысяч советских людей, т. е. за 8 лет количество тех, кто воспринимает себя советским человеком, выросло в 270 раз [3]. Однако в структуре почти полуторамилионного российского общества 27 тысяч – это незаметная цифра. На вопрос: «существуют ли после распада СССР советские люди или они исчезли вместе с Советским Союзом?» руководитель Федеральной службы государственной статистики А.Е. Суринов, сказал, что «для статистической науки критерий национальной принадлежности человека – самоназвание. А уж говорить о том, в самом ли деле это национальность или нет, будет наука этнография» [3], т. е. статистика работает с самоопределением человека, с его самоощущением как носителя той или иной национальной идентичности, а не с теми утверждениями, которые делают о человеке внешние наблюдатели, например, те же этнографы. Но в той же России в 90-е гг. XX в. «по разным оценкам, доля идентифицирующих себя с советским народом по-прежнему достаточно велика. Соответствующий показатель возрос от 46 % в декабре 1992 года до 52 % в мае 1998», хотя «распад СССР повлек за собой драматический процесс утраты ощущения принадлежности к общности “советский народ”» [4]. В России процент тех, кто идентифицировал себя с советским народом, колебаясь, постепенно снижался в 90-е гг. XX в., на период смены тысячелетий, видимо, пришелся самый низкий процент носителей советской идентичности, но потом снова начался рост.

Постсоветское белорусское общество также прошло путь разрушения советской идентичности. И имеет похожие колебания в процессе уменьшения или увеличения советского самоощущения. В белорусской ситуации «в начале 2000 х социологи называли советскую идентичность уходящем феноменом. Она была присуща людям старшего возраста, сельской местности и менее образованным. Это была тоска по былым временам. [...] Но с уходом старших поколений советская идентичность никуда не делась» [5].

Советская идентичность заметна, в частности, в поздравлении с праздником 23 го февраля Республиканского общественного объединения «За Союз и коммунистическую партию Союза» (РОО СКПС) и «Белорусской коммунистической партий трудящихся в составе КПСС» (БКПТ-КПСС). В 2016 г. они заявляли: «Советский народ, включая его неотъемлемую часть – граждан Белоруссии, никогда не простит предательства» [6]. Как минимум, некоторая часть современных белорусских граждан левых взглядов ощущает белорусский народ как часть советского.

Те, кто называет себя независимыми социологами, также фиксирует большой процент белорусов, считающих себя советскими людьми. В частности, в 2006 г. таких было 52 %. Для сравнения европейцами в то время считали себя лишь 36 % опрошенных [7]. Во время другого опроса, проведенного в другое время, социологи спрашивали «как часто вы ощущаете близость теми, о ком можно сказать «Это – мы». Среди ответов был перечислен и советский народ.

Формула «советский народ – это мы» как постоянное ощущение присуще 25,6 % опрошенных, иногда такое ощущение появляется у 18,5 % [8]. Независимые социологи заявляют, что «с уходом старших поколений советская идентичность в стране никуда не делась», хотя «в начале 2000-х социологи называли советскую идентичность уходящим феноменом. Она была присуща людям старшего возраста, сельской местности и менее образованным. Это была тоска по былым временам». Однако советская идентичность не только осталась, «советская идентичность в Беларуси молодеет», «много молодых людей чувствуют близость к советской идентичности – 20 – 22 % молодых людей». «Это пятая часть поколения, которое родилось уже после СССР! У них нет личной ностальгии». Причинами такой советскости белорусов названы «результат трансляции старых норм в современной Беларуси» и «результат работы идеологов и БРСМ» [5]. Также «на трансляцию и укрепление советской идентификации влияет актуальный информационный контекст. И это не только постоянные отсылки к позитивному советскому опыту в официальном белорусском идеологическом дискурсе, культ “Великой Отечественной войны” [...]» [8]. Однако, это данные социологов, оппозиционно относящихся к власти. Сама же власть относится к советскости вполне нормально. В частности, белорусский президент признает то, что нынешние белорусы – потомки советского народа (цитата: «мы не должны никому отдать эту Великую Победу, потому что это свидетельство величия советского народа, потомками которого являемся и мы» [9]).

В некоторых случаях можно сказать, что Глава белорусского государства спокойно допускает возможность существования советской идентичности и в настоящее время. Например, его заявление о том, что «мы сохранили и используем передовой опыт, накопленный предыдущими поколениями советского народа» [10] можно проинтерпретировать таким образом: если существуют предыдущие поколения советского народа, значит, есть и нынешние. Также А.Г. Лукашенко спокойно подмечает некие признаки советскости у белорусов: «Так вот, сознание наше сложилось так, а, может быть, это признак советскости нашей, признак славянства... Мы привыкли жить вместе, надеяться на кого то, друг на друга [...]» [11]. Так же о советскости белорусов он упоминал, вспоминая первые президентские выборы: «Я победил в этих выборах. При всем административном давлении и ресурсах и так далее. Они не смогли меня задавить. Почему? Потому что у нас тогда сложилась страшная обстановка: пустые полки в магазинах, русских гнали из Беларуси, все было повернуто в НАТО и так далее. У нас, у советских белорусов. Это же самая советская республика была» [11]. Президент выступает против того, чтобы о советском народе забыть, в частности, заявляя: «Когда мы [...] принимали постановление, помню, по юбилею Победы в Великой Отечественной войне, [...] и то были замечания отдельных государств, экспертов и руководителей ведомств, что нельзя указывать “советский народ”. Мы 20 лет прожили вне Советского Союза – уже “советский” нельзя. Но он же был, советский народ, почему не написать это?» [12]. Говоря о Хатыни, Глава белорусского государства указывает: «Эта история знакома каждому советскому человеку и каждому

гражданину государств СНГ» [13], т.е., по мнению Президента, как минимум, до образования СНГ существовали советские люди. То, что белорусы были этими советскими людьми для него также не секрет, причем об этом он упоминает неоднократно. Так, 1 августа 2003 г. Глава государства сказал: «Одно из достоинств нашего народа, советского народа, в том числе белорусского, – то, что мы спасли цивилизацию от уничтожения» [11]. 1 июля 2004 г. Президент сказал: «Но, если бы не подвиг наш, советского народа – русских, белорусов, россиян, трудно было бы представить, что было бы с миром и Европой» [13]. 9 мая 2009 г. Президентом было сказано, что «с годами все более очевидным становится всемирно-историческое значение освободительного подвига белорусского и всего советского народа» [14]. А 22 июня 2011 г. он заявил: «Поэтому прежде, чем нас учить и наклонять, вы, пожалуйста, отдайте дань уважения не только советскому народу в целом, но и белорусам» [15].

Существование в белорусском обществе советских представлений белорусского Президента не беспокоит. В 2012 г. он говорил: «Мало того, что белорус – это русский со знаком качества. И когда я говорю ”белорус, русский“, я не имею в виду [...] национальность, я имею в виду советский народ, как раньше его называли [...]» [16]. Ранее, в 2004 г. он заявлял: «Каждый из вас, стоящих в эти минуты у подножия Кургана Славы – живая легенда: белорусы, русские, украинцы, казахи – представители дружной и единой семьи с названием “Советский народ”» [17]. Получается, о советском народе в 2004 г. было заявлено в настоящем времени. Более того, в 2012 г. А.Г. Лукашенко четко сформулировал мысли, что советский народ – это мы [18]. Таким образом, представление о себе как о советском народе разделяют как большое количество простых белорусов, так и власть, как минимум, в лице президента. Пожалуй, только оппозицию беспокоит такое положение дел.

Официальная белорусская власть действительно транслирует представление о советском народе без всяких отрицательных коннотаций, но это ли является причиной такого советского самоощущения белорусских граждан? Например, в России, помимо явного позитива в отношении СССР (победа в Великой Отечественной войне, полет Гагарина и т.д.) открыто присутствует и негатив (сталинские репрессии). Но Российская Федерация является правопреемницей Советского Союза, поэтому фактор «государственного родства» может повышать позитивное восприятие. Однако, положительное отношение к СССР можно встретить и в других бывших союзных республиках. В частности, в 2013 г. американский Институт Гэллага провел соцопрос среди граждан некоторых стран СНГ. Людям предлагалось ответить, пользу или вред принес распад СССР. В России 19 % опрошенных решили, что распад СССР принес пользу, а 55 % высказали противоположное мнение. На Украине 23 % увидели в распаде пользу и 56 % – вред, в Белоруссии 26 % сказали о пользе и 38 % о вреде. Но в белорусском случае появилось большое количество тех, кто не ответил на данный вопрос. Их доля составила 21 %. Также 15 % не смогли ответить однозначно. Ситуация оказалась похожей и в Молдавии: 26 % молдаван

решили, что распад СССР принес пользу, 42 % – что вред, 22 % не ответили и 10 % не определились однозначно [19]. Комментируя итоги этого опроса, кишиневский политолог Н.В. Цвятков подчеркивает, что более трети тех, кто родился после 1989 г., т.е. не мог иметь личных впечатлений о СССР, сожалеют о распаде страны. Н.В. Цвятков указывает, что эту молодежь нельзя обвинить в ностальгии, она не помнит СССР, более того, «ее социализация происходила на фоне полномасштабной кампании по очернению советского прошлого в учебных заведениях, в средствах массовой информации», что не могло конструировать положительный образ Советского Союза. Политолог предполагает, что «произошла передача информации из поколения в поколение – от родителей к детям, то есть роль семьи как агента политической социализации была успешно реализована». В семье передавались воспоминания о том уровне социальных гарантий, который получали граждане СССР от государства, об уровне жизни и т.д., что создавало у молодежи, никогда не видевшей СССР, положительный образ ушедшей страны [20, с. 27]. Скорее всего, у белорусской молодежи, которая идентифицирует себя с советским народом, работает тот же механизм. При этом обвинять белорусские власти в том, что в обществе присутствует советская идентичность, нет смысла. Если Молдавия, которая после распада СССР формировала свою элиту не по принципу опыта, знаний и образования, а по принципу преданности новому несоветскому государству [20, с. 28], не смогла сформировать несоветскую молодежь, то что говорить о белорусской ситуации, в которой преданность элиты государству не означала автоматически антисоветских взглядов.

Существовала советская идентичность и на Украине. Так, директор Центра исследований южно-украинского пограничья В. Коробов в 2010 г. в Херсоне зафиксировал 13 % тех, кто считает себя в первую очередь советскими людьми. Для сравнения, тех, кто в первую очередь считает себя гражданином Украины – 35 %, херсонцем – 28 %, европейцем – 9 %, представителем своей национальности – 7 % [21]. В 2012 г. на Украине 9 % объявили себя советскими людьми и гражданами СССР [22]. В 2016 г., т.е. в период продолжающейся декоммунизации, на Украине зафиксировано 3,9 % респондентов, считающими себя гражданами СССР. В то же время лишь 1 % украинцев воспринимает себя как граждан Европы [23]. Впрочем, последние опросы на Украине стоит воспринимать с осторожностью, т.к. в ситуации, когда СССР воспринимается как «империя зла», далеко не каждый заявит свою советскую идентичность открыто.

В целом, можно сказать, что советская идентичность существует. Более того, временами количество ее носителей повышается, поэтому вопрос, когда она исчезнет окончательно, пока не стоит на повестке дня. Обращение к прошлым победам и семейная память помогают сохранению советской идентичности. Однако стоит учитывать, что идентичность советского человека далеко не всегда отрицает этническую идентичность. Советский народ был гражданской нацией, а не этнической, поэтому современные симпатизанты советскости в большинстве случаев вряд ли будут отвергать другие

идентичности, построенные на иных маркерах, в первую очередь на этнических. Этот вопрос стоило бы прояснить социологам и социальным антропологам, чтобы более корректно определять суть советской идентичности в постсоветский период и постараться понять, означает ли советская идентичность всего лишь тоску по утерянному великому государству, или это нечто большее.

Список источников и литературы

1. Тишков, В.А. Российский народ и национальная идентичность / В.А. Тишков // Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/news-/325722> – Дата доступа: 17.01.2018.

2. Советский народ (Научный коммунизм. Словарь. 1983) // Коллекция текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tape-mark.narod.ru/kommunizm/188.html> – Дата доступа: 12.01.2018.

3. Белонучкин Г. Госкомстат насчитал в России 27 тысяч людей советской национальности / Г. Белонучкин // Сцилла. Аналитический и новостной сайт информационного агентства Панорама. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scilla.ru/content/view/4329/2> – Дата доступа: 12.01.2018.

4. Данилова, Е.Н. Изменения в социальных дифференциациях россиян / Е.Н. Данилова // Наука-Интернет-Россия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-00dan.html> – Дата доступа: 14.01.2018.

5. Социолог: Благодаря идеологам и БРСМ советская идентичность в Беларуси молодеет // БелСат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bel-sat.eu/ru/programs/sotsiolog-blagodarya-ideologom-i-brsm-sovetskaya-ide-ntichnost-v-belarusi-molodeet/> – Дата доступа: 12.01.2018.

6. Белорусские коммунисты: «Советский народ возродит свое общее Отечество» // Информационное агентство Регнум. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2084729.html> – Дата доступа: 12.01.2018.

7. 52 % белорусов до сих пор считают себя советскими людьми // Новости политических партий России и стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.qwas.ru/belarus/ucpb/id_29938/ – Дата доступа: 12.01.2018.

8. Шелест О. «Новые советские» беларусы: характеристики и распространенность идентификации с «советским народом» / О. Шелест // Международный консорциум «ЕвроБеларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurobelarus.info/news/society/2017/11/06/novye-sovetskie-belarusy-ha-rakteristiki-i-rasprostranennost.html#_ednref4 – Дата доступа: 12.01.2018.

9. Участие в митинге-реквиеме «Врата памяти» 22 июня 2015 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-mitinge-rekvieme-vrata-pamjati-11612/ – Дата доступа: 14.01.2018.

10. Приветствие участникам III Пленума Центрального совета СКП-КПСС (23.09.2017). // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/privetstvie-uchastnikam-iii-plenuma-tsentralnogo-sove-ta-skp-kpss-17151/ – Дата доступа: 14.01.2018.

11. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко средствам массовой информации регионов России 1 августа 2003 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-prezidenta-respub-liku-belarus-aleksandra-lukashenko-sredstv-massovoj-informatsii-5911/ – Дата доступа: 14.01.2018.

12. Пресс-конференция белорусским и зарубежным средствам массовой информации 15 января 2013 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-belorusskim-i-zarubezhnym-sredstv-massovoj-informatsii-5791/ – Дата доступа: 14.01.2018.

13. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко при посещении Государственного мемориального комплекса «Хатынь» президентами Беларуси, России и Украины 1 июля 2004 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-pri-poseschenii-gosudarstvennogo-memorialnogo-5834/ – Дата доступа: 14.01.2018.

14. Выступление на церемонии возложения венков к монументу Победы 9 мая 2009 г. // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-tseremonii-vozlozhenija-venkov-k-monumentu-pobedy-9-maja-2009-g-5883/ – Дата доступа: 14.01.2018.

15. 22 июня Александр Лукашенко принял участие в мероприятиях, посвященных 70 летию начала Великой Отечественной войны // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/22-ijunja-aleksandr-lukashenko-prinjal-uchastie-v-meroprijatijax-posvjaschennyx-70-letiju-nachala-velikoj-5225/ – Дата доступа: 14.01.2018.

16. Стенограмма пресс-конференции представителям средств массовой информации регионов России 16 октября 2012 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/stenogramma-press-konferentsii-predstaviteljam-sredstv-massovoj-informatsii-regionov-rossii-5792/ – Дата доступа: 14.01.2018.

17. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественном открытии отреставрированного мемориального комплекса «Курган Славы» 1 июля 2004 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-torzhestvennom-otkrytii-otrestavrirovannogo-5833/ – Дата доступа: 14.01.2018.

18. Александр Лукашенко принял участие в праздничных мероприятиях по случаю Дня Победы 9 мая 2012 года // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-prinjal-uchastie-v-prazdnichnykh-meroprijatijax-po-sluchaju-dnja-pobedy-63/ – Дата доступа: 14.01.2018.

19. Esipova N., Ray J. Former Soviet Countries See More Harm From Breakup // Gallup [Electronic resource]. – Mode of access: <http://news.gallup.com/poll/166538/former-soviet-countries-harm-breakup.aspx> – Date of access: 19.01.2018.

20. Цвятков, Н.В. Гражданское общество Республики Молдова: социальные и политические аспекты развития / Н.В. Цвятков – Кишинев: Intellect Group, 2017. – 322 с.

21. О персональной идентичности на постсоветском пространстве // Информационное агентство REX. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/11744.html> – Дата доступа: 10.01.2018.

22. Соцопрос: в Украине живут не украинцы, а абстрактные «советские люди» // Аргументы и факты – Aif.ua. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ua/society/peopleworld/994620> – Дата доступа: 2.02.2018.

23. Почти половина украинцев не считает себя гражданами страны // Правда.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/18-08-2016/1310309-ukraine-0/> – Дата доступа: 2.02.2018.

ИДЕОЛОГИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЯ И СТЕРЕОТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

УДК 94(47).073: 316.653 + 930.1

И.Л. Качалов

*УО «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»*

Практически ни одна работа по истории России второй четверти XIX в. не обходится без упоминания теории официальной народности. Однако хорошо изученную данную проблему считать нельзя. Характеристике консервативного направления общественной мысли в исторической науке, особенно в советской, уделялось мало внимания. Консервативный лагерь, как правило, был представлен однозначно и по существу оставался своеобразной мишенью для критики и разоблачения его со стороны представителей прогрессивного направления. В этой связи, историография теории официальной народности не менее тенденциозна и идеологизирована, чем общественное сознание. К тому же, события пост-социалистического периода российской истории показали расплывчатость самих критериев консервативности и прогрессивности. Вопрос о том, что для России благо, а что зло остается открытым.

Также стало очевидным, что абсолютизация экономического детерминизма и классовости в оценке исторических событий, столь характерная для советских ученых, очень часто ведет к односторонности выводов и не дает подлинной картины истории. Не отрицая этих принципов, следует учитывать и факторы иного характера, например, идеологические и культурные, которые в некоторых случаях могут оказаться более действенными, чем причины экономические или классовые. Именно с таких позиций мы попытаемся рассмотреть историографические проблемы теории официальной народности.

Первым за научное исследование теории официальной народности взялся историк русской литературы и общественного движения, представитель культурно-исторической школы А.Н. Пыпин, который и назвал систему С.С. Уварова «официальной народностью». В начале 70-х гг. XIX в. в журнале «Вестник Европы» была напечатана серия его очерков под общим названием «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» [1], затем неоднократно издававшихся отдельной книгой. О теории официальной народности А.Н. Пыпин говорил во вводной части своей работы, а также посвятил ей специальный раздел. Это – хотя и первый, но, несомненно, крупный вклад в изучение данной темы.

Несмотря на то, что у А.Н. Пыпина больше оценок и выводов, чем анализа конкретных фактов, по широте охвата проблем, связанных с теорией официальной народности, его статья не имеет себе равных в отечественной историографии до сих пор. А проблемы эти таковы: причины, вызвавшие необходимость разработки официальной идеологии абсолютизма во второй четверти XIX в.; идейное

содержание теории официальной народности: концепция истории России, представление о русской действительности, политическая программа; связь теории официальной народности с предшествующими идейными течениями, прежде всего, с теорией национальной самобытности России Н. М. Карамзина; ее взаимодействие с другими направлениями общественно-политической мысли того времени; западноевропейский и русский романтизм как мировоззренческая и методологическая основа теории официальной народности; социальная база и причины распространения официальной идеологии в русском обществе; теоретики официальной народности и их деятельность; и, наконец, влияние теории официальной народности на внутреннюю и внешнюю политику российского самодержавия. Таким образом, А.Н. Пыпин с самого начала очертил основной круг вопросов, которые необходимо осветить при исследовании теории официальной народности. Последующая отечественная историческая литература, как дореволюционная, так и советская, по существу не выходила за его рамки.

Кроме А.Н. Пыпина теорию официальной народности и ее последователей характеризовал еще один представитель культурно-исторической школы П.Н. Сакулин. Этому посвящен один из разделов его статьи, вошедшей в много-томное издание «История России в XIX веке» [2]. В оценке лагеря официальной народности П.Н. Сакулин не расходился с выводами А.Н. Пыпина. Он подтверждал неоднородность состава этого лагеря, показывал различие в мотивах деятельности его представителей. Но в трактовке официального понимания принципа народности П.Н. Сакулина можно считать родоначальником иного направления в историографии теории официальной народности. Направления, которое сужало содержание третьего элемента правительственной триады до апологетики крепостничества и, тем самым, оставляло место лишь для критики всей идеологической системы С. С. Уварова.

В 1902 г. вышло юбилейное издание, посвященное 100-летию министерства народного просвещения [3]. Его автор С.В. Рождественский довольно подробно рассматривал деятельность С.С. Уварова в должности министра народного просвещения, показывал, как его система взглядов отразилась на политике самодержавия в области образования [3, с. 220–238].

Систему С.С. Уварова, в плане ее влияния на развитие русской литературы, рассматривал М.К. Лемке в своей известной работе [4]. Историк не дал подробной характеристики составных частей триады, но показал, как программа С.С. Уварова отразилась на состоянии русской литературы. Так, цензурную политику самодержавия он считал непосредственным воплощением на практике положений теории официальной народности [4, с. 85].

В вышедшем в 1911 г. 6-томном юбилейном издании «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» есть раздел, написанный С.П. Мельгуновым [5]. В нем шла речь об отношении правящих кругов России и их идеологов к крепостному праву, о том, как теоретики официальной народности обосновывали политику Николая I в крестьянском вопросе. В заслугу С. П. Мельгунову можно поставить то, что он, пожалуй, первым указал

на особое положение М.П. Погодина и С.П. Шевырева, отделив «москвичей-редакторов» от Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского [5, с. 3–5].

Из историков русской дореволюционной школы, затрагивавших проблемы теории официальной народности, можно назвать еще А. А. Корнилова [6] и А.Е. Преснякова [7]. Однако их работы не содержали практически ничего нового. Концепцию С.С. Уварова они рассматривали как развитие в новых условиях теории национальной самобытности России, выдвинутой еще Н.М. Карамзиным и призванной оправдать реакционную политику самодержавия.

Некоторые интересные замечания о теории официальной народности содержатся в статье Г.В. Плеханова «М.П. Погодин и борьба классов», вошедшей в его «Историю русской общественной мысли в XIX веке» [8]. В этой статье, которая была написана в 1911 г., Г.В. Плеханов дал обстоятельную характеристику М. П. Погодина как выразителя идей официальной народности. Однако его работа имеет один существенный недостаток. Она во многом посвящена доказательству тождественности теории официальной народности и славянофильства [8, с. 96–97].

Разногласия между славянофилами и теоретиками официальной народности вряд ли можно объяснить, как это делал Г.В. Плеханов, лишь тем, что славянофилы – дворяне, а М.П. Погодин – разночинец [8, с. 96–97, 100]. Классовый подход не раскрывает в данном случае всей сложности их взаимоотношений. Ведь, с одной стороны, среди сторонников официальной народности было немало дворян, а с другой – славянофилы, несмотря на свое классовое происхождение, находились в определенной оппозиции к существующему порядку. На наш взгляд, правы те, кто говорит о существенных различиях идей славянофильства и правительственной идеологии.

Вот, например, как раскрывает эти различия русский философ Н.А. Бердяев [9, с. 2–26]. Он согласен, что те три принципа, которые выдвинула теория официальной народности, признавались и славянофилами. Однако дух, как писал Н. А. Бердяев, был противоположный. В системе официальной народности примат принадлежал принципу самодержавия, православие же и народность были ему подчинены. Кроме того, «народность была сомнительна и претерпела влияние худших сторон западного государственного абсолютизма».

Православие в официальной народности, по мысли Н.А. Бердяева, было не духовное, а внешнегосударственное, в то время как славянофилы «признавали абсолютный примат религиозного начала и искали православия очищенного, не искаженного и не извращенного историческими влияниями». Славянофилы стремились также к выявлению подлинной народности и образ русского народа видели освобожденным от искажений, которые приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму.

Н.А. Бердяев указывал, что славянофилы и теоретики официальной народности совершенно по-разному относились к государству. Славянофилы были антигосударственниками и считали государство злом, а власть грехом. «Они защищали монархию на том основании, – писал философ, – что лучше, чтобы один человек был замаран властью, всегда греховной и грязной, чем весь народ. Царь

не имеет прав на власть, как никто не имеет. Но он обязан нести тяготу власти, которую возложил на него народ». Отсюда и русский народ славянофилы считали не государственным, а имеющим религиозное призвание.

Таким образом, выводы Н.А. Бердяева показывают, что явления общественно-политической мысли гораздо полнее объясняются причинами мировоззренческого характера, которые очень часто не совпадают с логикой социально-классового подхода.

Вообще, следует отметить, что ближе всех к раскрытию идейной сути теории официальной народности подошли именно философы. В этом отношении наибольший интерес представляет работа Г.Г. Шпета [10]. Рассматривая теорию официальной народности в контексте истории развития философской мысли России, Г.Г. Шпет поставил перед будущими исследователями целый ряд важных проблем.

Прежде всего, философ обратил внимание на понятие народности, назвав его «наименее ясным» в триаде С.С. Уварова [10, с. 239]. Он задался вопросом о содержании и генезисе этой идеи, предполагая ее непосредственную связь с романтизмом вообще и с исторической школой права, в частности [10, с. 239]. Г.Г. Шпет также указал на необходимость исследования генезиса «общего и политического мировоззрения Уварова» [10, с. 240]. Не считая себя компетентным в этом вопросе, он все же сделал несколько интересных замечаний о влиянии на С.С. Уварова немецких мыслителей конца XVIII – начала XIX в. [10, с. 240–241]. Философ высоко оценил заслуги С.С. Уварова в развитии образования в России, но в то же время отметил половинчатость и непоследовательность его политики, ее несоответствие потребностям исторического момента [10, с. 256–277].

После Октябрьской революции теория официальной народности не стала специальной темой ни одного исследования советских историков, хотя можно говорить о складывании определенной точки зрения на эту проблему. Характеристика теории официальной народности есть во всех учебных пособиях и общих курсах истории России второй четверти XIX в. [11, с. 183–184, 12, с. 274, 13, с. 526, 14, с. 105–106, 15, с. 476–478]. В Большой Советской и исторической энциклопедиях имеются статьи, посвященные ей [16; 17]. Мы остановимся лишь на самых важных работах, внесших что-либо новое в историографию теории официальной народности.

Ценные замечания о правительственной идеологии содержатся в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», изданном в 1955 г. под редакцией М.Н. Тихомирова. Здесь наиболее четко поставлена проблема влияния революционного движения в Западной Европе и России на формирование официальной идеологии российского абсолютизма. В книге сделан вывод о том, что теория С.С. Уварова явилась прямым результатом революционных событий 20-х – начала 30-х гг. XIX в. и развивала идею национальной самобытности России применительно к новым условиям [18, с. 317].

Среди советских историков наиболее подробное освещение теория официальной народности получила у С.Б. Окуня в его «Очерках истории СССР»

[19, с. 304–310]. Автор говорил об истории возникновения этой теории, дал характеристику С.С. Уварова, а также других сторонников официального лагеря. Однако с самого начала С.Б. Окунь занял позицию критика, и все, что связано с теорией официальной народности, предстает в его работе в негативном виде. Таким образом, несмотря на то, что С.Б. Окунь уделил теории официальной народности больше внимания, чем другие советские ученые, его исследование не выходит за рамки традиционного представления о ней. К тому же, из-за односторонности оценки официальной идеологии, С.Б. Окунь уступает некоторым своим предшественникам.

Охарактеризовать влияние теории официальной народности на формирование русской национальной культуры в первой половине XIX в. попытался В.В. Познанский [20, с. 141–154]. В своей книге он привел и прокомментировал обширную цитату из юбилейного отчета С.С. Уварова за 1833–1843 гг., Казалось бы, непосредственная работа с таким очень важным источником должна была способствовать раскрытию истинной сути теории официальной народности. Но, к сожалению, автор не смог преодолеть сложившиеся стереотипы. Это относится к сделанному В.В. Познанским выводу о социальной направленности идеологической доктрины С.С. Уварова. Исследователь считал, что задача «охранителей» состояла в том, «чтобы удержать веру в «исконные» начала самодержавия и православия в народе, то есть в массе патриархального крестьянства» [20, с. 145]. Было ли в то время «патриархальное крестьянство» оставшееся безучастным к восстанию декабристов, столь опасным для самодержавия, чтобы разрабатывать для воздействия на его сознание целую идеологическую систему? Если не абсолютизировать идею о классовой борьбе, то ответ на этот вопрос будет, безусловно, отрицательным. Да и в приведенной В.В. Познанским цитате С.С. Уварова говорится о задачах воспитания и образования университетской молодежи, а крестьянство вообще не упоминается. Подобную же ошибку В.В. Познанский делает тогда, когда определяет уваровскую народность как «отношение к народу» [20, с. 145].

Следует также отметить работы Н.П. Ерошкина и М.А. Алпатова. В книге Н.П. Ерошкина внимания заслуживает тот факт, что идеологию абсолютизма автор рассматривал в контексте политической истории России первой половины XIX в. [21, с. 24–59]. Однако при характеристике самой триады С.С. Уварова он повторил уже известные положения [21, с. 52–53]. М.А. Алпатов в своей монографии подробно проанализировал историческую концепцию молодого С.С. Уварова и дал ей довольно высокую оценку [22, с. 231–245]. Но, в то же время, не приводя каких-либо убедительных аргументов, утверждал, что исторические взгляды С.С. Уварова коренным образом изменились после провозглашения им доктрины православия, самодержавия и народности [22, с. 245]. Уже практически на исходе советской эпохи историк русской общественной мысли Н. И. Цимбаев коснулся вопроса об идейных истоках теории С.С. Уварова, сделав вывод о ее связи с романтическим мировоззрением и немецкой классической философией [23, с. 13, 24, с. 30–31].

Таким образом, советская историография была вполне единодушна в оценке теории официальной народности, основное внимание уделяя ее социально-классовой сущности.

В отличие от советских историков, зарубежные авторы уделяли идейным аспектам теории официальной народности гораздо больше внимания. При этом использовались и соответствующие методы исследования. Так, американский историк Э. Таден, изучая распространение в России идей национализма, применил сравнительный анализ терминологии немецких романтиков и русской общественной мысли. Он, в частности, сделал вывод об использовании официальной идеологией многих характерных понятий, которые впервые появились в философии немецкого романтизма [25, p. 502, 520–521].

Зарубежная историография выгодно отличается от советской еще и тем, что единственная работа, полностью посвященная теории официальной народности, принадлежит перу профессора Калифорнийского университета (Беркли) Н. В. Рязановского. В 1959 г., а затем в 1961 г. вторым изданием вышла его монография «Николай I и официальная народность в России» [26]. Автор, находясь на позициях объективизма и привлекая богатый фактический материал, рассматривал официальную идеологию российского самодержавия в контексте европейской и русской истории второй четверти XIX в.

Книга состоит из шести разделов, где исследуются такие проблемы, как Николай I и его ближайшее окружение, идеологи официальной народности и их взгляды, идейное содержание трех составных частей формулы С.С. Уварова, влияние правительственной идеологии на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, место и роль теории официальной народности в русской и мировой истории.

Продолжая изучение взглядов теоретиков официальной народности, в 1960 г. Н.В. Рязановский издал статью, в которой рассматривал отношение двух ведущих представителей правительственной идеологии – С.С. Уварова и М.П. Погодина к Азии, ее роли и значению для мировой цивилизации [27].

Таким образом, в характеристиках, которые давали теории официальной народности русские дореволюционные и советские историки больше всего оценочных суждений. Причем эти оценки основывались на концепциях и ценностях совершенно иного времени. Дореволюционные исследователи, в основном, придерживались либеральных взглядов, ну а советские авторы вообще последовательно отстаивали принципы классовой борьбы. Самодержавие и все, что с ним было связано не вызывало ни у кого из них особых симпатий. Основной упор делался на критику теории официальной народности, при этом, не всегда правильно и полно трактовалась ее суть.

Зарубежная историография теории официальной народности, несмотря на явные преимущества перед исследованиями советских историков, также не лишена недостатков, вызванных стереотипами общественного сознания своего времени.

Отсюда, основная задача наших исследований заключалась в том, чтобы вернуть идейным положениям теории официальной народности тот первоначальный смысл, который вкладывали в них создатели этой теории, освободить ее идейное содержание от наслоений и интерпретаций других эпох [28].

Список источников и литературы

1. Пыпин, А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1871. Кн. 5. – С.233–291; Кн. 9. – С.301–351; Кн. 12. – С.455–514. – 1872. Кн. 5. – С.145–206; Кн. 11. – С.47–97; Кн. 12. – С. 618–678. – 1873. Кн. 4. – С.471–547; Кн. 5. – С.223–274; Кн. 7. – С.222–263.

2. Сакулин, П. Н. Русская литература во второй четверти века / П. Н. Сакулин // История России в XIX веке. Т. 2. – Б. м., Б. г. – С. 443–508.

3. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. / С. В. Рождественский. – СПб., 1902. – II, 785 с.

4. Лемке, М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. / М. Лемке. – СПб., 1908. – 614 с.

5. Мельгунов, С. П. Эпоха «официальной народности и крепостное право» / С. П. Мельгунов // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 3. – М., 1911. – С. 1–21.

6. Корнилов, А. Курс истории России XIX века. Ч. II. / А. Корнилов. – 2-е изд. – М., 1918. – 272 с.

7. Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. – Л., 1925. – 100 с.

8. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). Книга первая. Западники и славянофилы. М. П. Погодин и борьба классов / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXIII – М.-Л., 1926. – С. 45–101.

9. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания Париж, 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.

10. Шпет, Г. Очерк развития русской философии. Ч.1. / Г. Шпет. – Петроград : Колос, 1922. – XVI, 349 с.

11. История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1954. – 848 с.

12. История СССР с древнейших времен до наших дней, в двух сериях, двенадцати томах. Серия первая. Т. IV. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. – М. : Наука, 1967. – 743 с.

13. История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. П. П. Епифанова и В. В. Мавродина. – М. : Просвещение, 1983. – 576 с.

14. История СССР XIX – начало XX в. / Под ред. И. А. Федосова. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1987. – 544 с.

15. История СССР с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для студентов пед. ин-тов. / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федосов / Под ред. Н. И. Павленко. – М. : Просвещение, 1989. – 559 с.
16. Теория официальной народности // Сов. ист. энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14. – С. 190.
17. Официальной народности теория // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1975. – Т.19. – С. 27.
18. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. Н. Тихомирова. Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 691 с.
19. Окунь, С. Б. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. / С. Б. Окунь. – Л. : Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. – 432 с.
20. Познанский, В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века / В. В. Познанский. – М. : Мысль, 1975. – 223 с.
21. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М. : Мысль, 1981. – 252 с.
22. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII–первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
23. Цимбаев, Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. – М. : Изд-во Московского университета, 1986. – 272 с.
24. Цимбаев, Н. И. «Под бременем познания и сомненья...» (идейные искания 1830-х годов) / Н. И. Цимбаев // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников) / Под ред. И. А.Федосова. – М. : Изд-во Московского университета, 1989. – С. 5–47.
25. Thaden, Edvard C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia / Edvard C. Thaden // The American Slavic and East European Review. – Vol. XIII. – 1954. – N 4. – P.500–521.
26. Riasanovsky, N. V. Nicholas I and Official nationality in Russia. 1825–1855 / N. V. Riasanovsky. – University of California press Berkeley and Los Angeles. – 1959. – 296 p.
27. Riasanovsky, N. V. Russia and Asia: Two Nineteenth-Century Russian Views / N. V. Riasanovsky // California Slavic Studies. – Vol. I. – University of California press Berkeley and Los Angeles, 1960. – P.170–181.
28. Качалов И.Л. Кого же считать теоретиками официальной народности? / И. Л. Качалов // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А. Ю. Бендин. – Мн. : Экономпресс, 2006. – С. 252–287.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ)

УДК 321.01: 94(476)

А.А. Киселев

*УО «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»*

В дискуссиях об эволюции государства, которое практически во всех политологических изданиях определяется как основной институт политической системы, важным моментом является вопрос о характере государственного контроля над обществом. В особенности имеет значение проблема полицейского контроля над населением, способность государства использовать полицию как институт, посредством которого осуществляется легитимное принуждение и насилие внутри страны. С этой точки зрения представляет интерес характеристика состояния институтов общей полиции в регионах Российской империи, опираясь на которые центральное правительство и местная губернская администрация проводили внутреннюю политику.

Следует отметить, что исследовательская работа в этой области затруднена в силу того, что Российская империя в историографии и политической теории, не говоря об общественно-политической мысли, длительное время «воспринималась в качестве полицейского государства *par excellence*» [1, с. 12]. При этом «ситуация с концептуализацией данной формы производства и поддержания социального порядка долгое время была почти катастрофической» [1, с. 12]. На научном уровне осмысление термина «полицейское государство» подменялось конъюнктурными идеологическими оценками или поверхностными противопоставлениями «полицейское государство» – «правовое государство». Для возникновения такой ситуации были определенные основания, поскольку история общей полиции длительное время не разрабатывалась. В частности, в советской историографии вплоть до 80-х гг. XX в. «для гражданских исследователей изучение полиции в целом было табу» [2, с. 45]. Только в постсоветское время наметился перелом в этой области благодаря появлению сотен исследований, посвященных полицейским структурам дореволюционной России. Вместе с тем по-прежнему наблюдается разрыв между результатами исторических исследований и теоретическим осмыслением понятия «полицейское государство». В частности, в работах научных сотрудников Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, посвященных проблеме полицейского государства в России, полученные историками данные привлекаются фрагментарно, что, по нашему мнению, влияет на обоснованность выводов [3]. Исследователи сосредотачивают свои усилия на анализе «дискурсов», вычитываемых из законодательных актов, подкрепляют свои рассуждения общеизвестными фактами из истории полиции. Однако представляется более продуктивным подход к разработке теории полицейского государства и ее верификации

на основании имеющихся данных о штатной структуре, повседневной деятельности, составе служащих полицейских учреждений. Для обоснования данного тезиса хотелось бы привести сведения, характеризующие такие параметры учреждений общей полиции в белорусских губерниях империи как ее штатная численность, площадь полицейских участков.

Одним из показателей полицейской организации является плотность полиции, отражающий соотношение числа стражей порядка на определенное количество граждан [4, с. 122]. В частности, накануне Первой мировой войны в единственном городском полицейском управлении Виленской губернии служило 514 чинов при населенности города Вильно в 238689 жителей. В итоге плотность полиции составляла 2,15 полицейских на 1000 городских обывателей. В начале XX в. в Гродненской губернии насчитывалось три городских полицейских управления в Гродно, Белостоке и Бресте с общим штатом в 531 чинов. В итоге общая плотность полиции в полицеймейстерствах составила 2,58 на 1000 чел. В Минской губернии также действовало три городских полицейских управления (Минск, Пинск и Бобруйск) со штатом в 445 человек, а плотность полиции составила 2,44 на 1000 горожан. В Витебской губернии полицеймейстерства действовали в Витебске, Двинске и Полоцке, общий состав полиции насчитывал 450 служащих, а плотность составила 1,85 на 1000 чел. В Могилевской губернии в рядах чинов двух городских полицейских управлений оказалось 230 полицейских, а плотность полиции оказалась самой низкой среди белорусско-литовской губерний – 1,51 [5, л. 3–6]. В крупных городах Западной Европы в этот же период плотность полиции принципиально не отличалась от аналогичного показателя в белорусских губерниях. В частности, в британском Глазго плотность полиции составляла 2,57 полицейских на 1000 горожан, а в Эдинбурге – 1,95. В германском Штутгарте плотность полиции составила 1,54, а в Гамбурге – 1,82 чинов полиции на 1000 жителей [6, р. 401–402]. При этом следует отметить, что деятельность полиции в белорусских губерниях осложнялась тем, что городское население было разнородным по этническому и конфессиональному составу.

Интересно, что в 60-х гг. XIX в. плотность городской полиции после создания городских полицейских управлений оставалась приблизительно такой же, что и в начале XX в. В частности, в Вильно она составляла около 2 на 1000 чел., в губернском Минске – 1,8. [7, с. 84] Основываясь на этих данных, мы не можем говорить о том, что городское население белорусских губерний находилось под более плотной полицейской опекой, чем жители городов Германии или Великобритании.

В начале XX в. в сельской местности белорусских губерний полицейский контроль был слабее, чем на городских улицах. Например, в Могилевской губернии в 1912 г. на 1000 сельских жителей приходилось 0,57 чинов полиции. В Витебской губернии же было 0,68 чинов уездной полиции на 1000 деревенских жителей. На рубеже веков этот показатель был еще меньше, поскольку полицейской стражи, появившейся в литовско-белорусских губерниях в период

1903–1905 гг. в рамках общеимперской реформы, не существовало. Отнюдь не случайно в популярном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что в начале XX века «большинство русского населения в области обеспечения условий безопасности и благосостояния испытывает большее прямое принуждение со стороны общины, нежели со стороны органов государства» [8]. Эта цитата указывает на тот факт, что полицейские обязанности возлагались на выборных от деревенской общины десятских и сотских. Однако в течение всего XIX – начала XX вв. практически повсеместно властями констатировалась полная профессиональная непригодность этих выборных лиц, нежелающие крестьян нести полицейские обязанности и т.п. Можно сказать, что крестьянская община при необходимости легко саботировала полицейские функции: десятские и сотские не стали агентами властей. Если вспомнить, что в начале XX в. процент сельского населения в белорусских губерниях составлял в среднем около 87 %, то окажется, что подавляющее большинство жителей не находилось под плотным полицейским контролем и охраной. Если привести аналогию из советской истории, то обязанности по охране правопорядка десятилетиями возлагались на «дружинников». Появление уездной полицейской стражи в начале XX в. стало запоздавшим заимствованием западноевропейских полицейских институтов. Например, в целом ряде германских государств уже в 1864 г. жандармерия, ответственная за правопорядок в сельской местности, имела следующие показатели плотности полиции: в Баварии – 0,56 на 1000 жителей, в Вюртемберге – 0,3, Бадене – 0,36 [9, р. 210].

Приблизительно в это же время в белорусских губерниях было подавлено польское восстание 1863–1864 гг. Осмысляя опыт недавнего восстания местная администрация была вынуждена признать, что повстанческие отряды формировались в сельской местности, поскольку именно там практически полностью отсутствовал какой-либо существенный полицейский надзор. Например, в сельской местности Гродненской губернии без учета уездных и заштатных городов в 1863 г. проживало 690777 человек, а в составе уездных полицейских управлений без учета надзирателей, несших полицейскую службу в уездных городах, числилось всего 86 штатных чиновников, т.е. плотность полиции равнялась около 0,12. На самом деле показатель был еще ниже, поскольку в число штатных полицейских чиновников в этом подсчете включены чины канцелярий полицейского управления, которые не несли непосредственной полицейской службы: столоничальники, регистратор и секретарь (40 чел. – 47 % всего штата). В аналитической «Записке об усилении уездной полиции», подготовленной в окружении виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева констатировалось, что в пределах губерний Северо-Западного края на «50 верст пространства и несколько десятков тысяч жителей находится один полицейский чиновник (становой пристав)» [10, л. 316]. Впрочем, особенностью белорусских губерний было существование сохранившихся со времен Речи Посполитой должностей ключ-войтов. Показательно, что этот элемент полицейской организации Речи Посполитой оказался настолько востребован, что благополучно просуществовал до польского восстания 1863–1864 гг. Эти помощники

исправника и становых не имели легального статуса, действовали на основании обычая и были окончательно юридически признаны властями только в 1868 г. под именем тысяцких в силу острой необходимости усиления полицейского контроля в политически неблагонадежном крае. Однако даже вместе с этими нижними чинами плотность полиции в сельской местности в литовско-белорусских губерниях в конце 60-х гг. XIX в. составляла около 0,3 на 1000 чел.

После введения в империи с 1878 г. должности полицейских урядников плотность полиции в белорусских губерниях вероятно немного возросла. В частности, в Могилевской губернии она составила 0,37 на 1000 сельских жителей. Вместе с тем, если исключить из состава штатных чиновников чинов канцелярий уездных управлений (39 %), то показатель окажется меньше. По Могилевской губернии в 66 % случаях в границах уряднического участка проживало от 5 до 10 тыс. человек, а в 25 % населенность участка колебалась от 10 до 20 тыс. жителей. К началу XX в. плотность полиции в сельской местности не увеличивалась, а наоборот уменьшалась. Причиной уменьшения этого показателя стало значительный рост численности населения. Например, после введения урядников в Витебской губернии вне городов проживало приблизительно 904103 чел. (1880 г.). В 1903 г. сельских жителей в Витебской губернии насчитывалось уже около 1418400 чел., т.е. рост составил 57 %. При этом в этот период штаты уездной полиции в Витебской губернии практически не пересматривались. Такая ситуация была типичной для всех белорусских губерний накануне первой русской революции 1905–1907 гг.

Показатель плотности полиции необходимо дополнять сведениями о площади, подведомственной полицейскому контролю. Система транспортных коммуникаций, расстояния и площадь пространства являются действенным фактором, определявшим возможности правительства для контроля над населением. В частности, в 1864 г. известный русский юрист А.В. Лохвицкий, указывал на то, что по сравнению со странами Западной Европы площадь губерний и уездов Российской империи гораздо больше. По его словам, в западных губерниях «есть такие места, куда земская полиция с трудом может заглянуть раз в год и, заехавши, не знает как выбраться» [11, с. 94]. Он же указывал на необходимость учитывать и состояние транспортных коммуникаций. Любопытно, что наблюдение юриста подтверждается свидетельствами жителей белорусских губерний. Так, в своих мемуарах об эпохе Николая I А.И. Паперна пишет о том, что местный становой в Копыле (Могилевская губ.) был фактически бесконтролен, поскольку «при заброшенности Копыля далеко от почтового тракта, при запущенности дорог, ведущих к нему, никакому исправнику, а тем паче губернатору в голову не могла прийти мысль заглянуть туда» [12, с. 52–53]. Отнюдь неслучайно уроженец Ружан фальшивомонетчик Цейзиг заявил на допросе в Гродно, что, заметив в Вене полицейскую слежку, «он пришел к убеждению, что только в одной России, при тогдашнем устройстве администрации, можно долго уклоняться от действия закона» [13, с. 2290]. Выше уже приво-

дился пример плотности жандармерии в Королевстве Вюртемберг. Следует отметить, что размеры этого государства равнялись 19508 кв. км., а пределы только Гродненской губернии имели площадь в 38376,7 кв. км, т. е. почти в 2 раза больше. В Великом герцогстве Баден площадь составляла 15082 кв. км, т. е. в 2,5 раза меньше, чем Гродненская губерния. Следовательно, в показатель плотности полиции необходимо вносить коэффициент-поправку на площадь территории, подведомственной полицейскому контролю.

В начале XX в. пространство по-прежнему оставалось проблемой для полицейской деятельности в сельской местности. В частности, в представлении витебского губернатора И.И. Чепелевского от 14 декабря 1900 г. описывалась типичная для губернии ситуация. Так, «в среднем ... на каждый стан приходится 568 населенных пунктов, 1057 квадратных верст и 34483 души, на уряднический участок 148 населенных пунктов, 298 квадратных верст и 9706 душ и на каждого сотского и десятского 2 населенных пункта, 4 квадратных версты и 132 души» [14, л. 1]. Конфигурация и площадь стана были таковы, что в отдельных случаях станovou квартиру от уездного полицейского управления разделяло «84 версты». В среднем же расстояние между местом пребывания становой пристава и уездным городом колебалось от 20 до 50 верст, приблизительное такое же пространство отделяло полицейских урядников от станowych приставов.

Еще одним важным аспектом организации полиции является вопрос об автономии этого института. В частности, до 1837 г. в нижних земских судах или земской полиции, ответственной за полицейский порядок в сельской местности, основные должности исправника и заседателей замещались по выборам местной дворянской корпорацией на ограниченный срок. Это превращало уездную полицию в зависимый от местного дворянства орган. В белорусских губерниях неоднократно отменялись выборы исправника, но чины земской полиции все равно назначались преимущественно из среды дворянства губернии. После введения в 1837 г. должности станowych приставов вместо выборных заседателей влияние дворянства на кадровую политику сократилось. Однако становой как коронный чиновник должен был согласно букве закона назначаться из числа местных дворян. Степень зависимости от сословной корпорации существенно ослаблялась, но окончательно в независимый от дворянства орган полиция превратилась в 1862 г. после создания уездных полицейских управлений.

Таким образом, можно согласиться с выводом О.В. Кильдюшова о том, что «Российская империя так и не стала полицейским государством в виде целостной и стройной системы социального администрирования» [1, с. 30]. Применение термина полицейское государство для характеристики полиции как института в политической системе империи представляется некорректным. Однако хотелось бы обосновать это суждение ссылкой на организационно-штатную структуру полиции. Пример организации общей полиции в белорусских губерниях в течение XIX – начала XX показывает, что для заявлений о какой-либо гипертрофии полиции в Российской империи нет серьезных фактических

оснований. Во-первых, показатели плотности полиции существенно не отличаются от тех, которые были в государствах Западной и Центрально-Восточной Европы. Во-вторых, площадь участков и состояние транспортных коммуникаций, особенно в сельской местности, затрудняли полицейскую деятельность. Кроме того, организация институтов общей полиции в европейских государствах, не смотря на наличие ряда общих черт, существенно различалась, поэтому противопоставлять опыт полицейского устройства в Российской империи некоему собирательному образу европейской полиции представляется также некорректным. Плотность полиции, площадь, подведомственная ее контролю, и населенность административно-территориальных единиц и полицейских участков, показывает, что полицейский идеал «общей дисциплинаризации, общей регламентации индивидов и территории королевства, в форме полиции», появившийся в конце XVI – XVIII вв. [15, с. 440] был далек от реализации в белорусских губерниях Российской империи даже в начале XX в. Общая полиция в силу своей организации не могла в полной мере играть роль эффективного инструмента в руках центральной и местной администрации, в том числе даже в области чисто полицейского контроля в интересах обеспечения личной и общественной безопасности подданных.

Список источников и литературы

1. Кильдюшов, О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики / О.В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 9–40.
2. Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 43–54.
3. Попов, В.А. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года / В.А. Попов // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–97.
4. Организация деятельности органов внутренних дел зарубежных стран. Управление полициями буржуазных стран. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 159 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1217. Оп. 1. Д. 12.
6. Fosdick, Raymond B. European Police Systems / Raymond B. Fosdick. – New York: The Century co., 1915. – 522 p.
7. Киселев, А.А. В поисках благонадежной полиции. Полицейская реформа Александра II в Западном крае империи / А.А. Киселев // Родина. – 2014. – № 4. – С. 83–84.
8. Шеймин П. Полиция / П. Шейман // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/bep/244.htm> – Дата доступа: 06.02.2018.

9. Emsley, C. *Gendarmes and the State in Nineteenth-century Europe* / C. Emsley. – New York: Oxford University Press, 1999. – 288 p.
10. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 1863. Д. 18.
11. Лохвицкий, А.В. Губерния ее земские и правительственные учреждения: Ч. 1 / А.В. Лохвицкий. – СПб.: тип. И. Бочарева, 1864. – 228 с.
12. Евреи в России: XIX век: А.И. Паперна. Из николаевской эпохи; А.Г. Ковнер. Из записок еврея; Г.Б. Слиозберг. Дела давно минувших дней. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В.Е. Кельнера. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 560 с.
13. Пржецлавский, О.А. Калейдоскоп воспоминаний / О.А. Пржецлавский // Русский архив. – 1872. – № 12. – С. 2269–2334.
14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. Оп. 2. Д. 19788.
15. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЭДВАРДА ЛЮТТВАКА

УДК 355.4: 94 (495)

А.В. Козленко

Минский инновационный университет

Эдвард Люттвак (род. в 1942 г.) – американский политолог и экономист, широко известный специалист по военной стратегии и теории международных отношений. Преподавал в университете Бата (Великобритания), затем в университете Джонса Хопкинса и в Джорджтаунском университете (США). На протяжении долгих лет занимал должности советника президента США, старшего советника Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон), политического консультанта Государственного департамента и Совета безопасности США, а также нескольких министерств обороны стран НАТО. Он является автором более полутора десятков работ, переведенных на многие языки и доставивших ему известность литератора: «Практическое руководство политического переворота» (1968), «Стратегический баланс» (1972), «Стратегия войны и мира» (1987). Среди историков Люттвак также хорошо известен своей оригинальной работой «Стратегия Римской империи» (1976), в которой принятые в современной политической науке принципы исследования использовались для изучения эпохи античности. Положения, сформулированные им в этой книге, устроили далеко не всех и в свое время стали причиной оживленной дискуссии о содержании понятия «стратегия» и о наличии стратегии в эпоху Римской империи. Специалисты, принимавшие участие в дискуссии, в ее ходе представили множество аргументов как в пользу концепции Люттвака, так и против. Тем не менее, сегодня ссылка на эту работу при проведении исследовательских изысканий в данной теме является обязательной. Последняя работа Люттвака «Стратегия Византийской империи» (2009), переведенная в 2010 г. на русский язык, еще раз подтвердила плодотворность подобного подхода и предоставила исследователям новый повод для дискуссий.

В самом общем смысле вопрос, который задает автор в начале книги – это тот же вопрос, который уже не одно столетие беспокоит историков: почему Восточная Римская империя (Византия) уцелела в ходе обрушившегося на нее катаклизма Великого переселения народов и почти на тысячу лет пережила Западную? Отстранившись от обсуждения политических, социальных, экономических, культурных объяснений причин упадка и гибели Римской империи, Люттвак сразу переводит их в военно-стратегическую плоскость. В этом плане, он убежден, положение Византии было гораздо более уязвимым по сравнению с Западной частью империи, ибо от вторжений врагов она не была защищена ни природным барьером, подобным Альпам или Пиренеям, ни обширным предпольем [1, с. 12]. На севере граница Византии проходила по Дунаю, и самая грозная опасность ей грозила отсюда, от бесчисленных орд кочевников, волнами накатывавшихся друг за другом из Великой Степи: гуннов, авар, болгар,

мадьяр, печенегов и, наконец, куман. Имперская столица Константинополь по сути находилась в прифронтовой зоне и за свою историю многократно подвергалась осадам. На востоке Византия граничила с державой персов Сасанидов, традиционным и опасным противником, силы которого не уступали ее собственным. Линия границы здесь протянулась по суше почти на пятьсот миль в длину и на большей части этого расстояния оставалась совершенно открыта и легко проницаема. Если римские императоры III – IV вв. для сдерживания персов могли привлекать войска с Запада, то византийским приходилось делать это, опираясь исключительно на собственные силы. В сравнительно безопасном положении находился разве только Египет, традиционная житница империи, откуда продолжала снабжаться хлебом ее столица. Однако, с мусульманским завоеванием в середине VII в. Египет и вся Африка, а равно и Сирия, оказались оторваны от территории империи, а новая линия границы стала проходить по предгорьям Тавра. Славяне в VIII в. отобрали у Византии Балканы, норманны в XI в. – последние владения в Италии, турки в XII в. – Малую Азию. За свою длительную историю Византия потерпела немало военных поражений, причем некоторые из них казались катастрофическими. Большая часть страны неоднократно оказывалась в руках захватчиков, сам Константинополь в 1204 г. был захвачен крестоносцами. Тем не менее, Византийская империя продемонстрировала стойкую жизнеспособность, проявившуюся в удивительной способности возрождать собственную структуру и, зачастую начиная все заново, неизменно добиваться успеха.

Автор выделяет три взаимосвязанных фактора, находившихся в основе этой способности к выживанию. Первым являлось качественное превосходство византийской армии и военного искусства над тем, что было у ее врагов. «В то время как враги Византийской державы по большей части представляли собой племенные ополчения, добровольческие отряды, пополнявшиеся лихими людьми или угнетенными крестьянами... византийцы могли позволить себе круглый год держать на жаловании профессиональных воинов и моряков» [1, с. 19]. Византийская армия возводила свое происхождение к римской и продолжала ее традиции. Византийцы, подобно римлянам, практиковали принцип индивидуального отбора и обучения новобранцев, которых тренировали во владении различными видами вооружения. Также регулярно проводились военные смотры и тактические учения воинских соединений, приучавшие солдат действовать в самой разнообразной обстановке. В то время как их противники владели лишь традиционными воинскими навыками своего племени, византийские войска были представлены гораздо большим разнообразием оружия, военных приемов и родов войск. Пехоту, набранную из германцев, иллирийцев и славян, византийцы использовали против тяжеловооруженных персидских всадников, а легкую конницу и лучников из числа степных кочевников – против сражавшихся пешими западных варваров. Византийское военное искусство, также основанное на античной традиции, сохраняло свою эффективность в изменившихся обстоятельствах. Византийские военачальники читали работы,

доставшиеся им от предков, и сами писали новые. Как правило, они внимательно изучали своих противников, собирая информацию из различных источников. Учитывая их сильные и слабые стороны, византийцы умело создавали предпосылки для своего военного превосходства. На их стороне был опыт и дисциплина. Благодаря этим союзникам их, как правило менее многочисленные, но при этом лучше подготовленные войска, в условиях решающего сражения неизменно одерживали верх над численно превосходящими их ордами варваров [1, с. 21].

Вторым фактором превосходства являлась развитая экономика, интенсивное денежное обращение и связанная с ним система налогообложения. Хотя экономика Византии значительно уступала римской как по уровню производства, так и по капиталоемкости, она все же значительно превосходила соседние экономики, может быть за исключением только экономики Арабского халифата. В то время как в остальной части Европы господствовала натуральная экономика, византийцы имели специализированное ремесло и ориентированное на рынок сельское хозяйство. Они сохраняли производственные технологии, доставшиеся им в наследство от римлян и дополнили их рядом собственных изобретений, таких, например, как производство шелка. Огромные прибыли Византии приносила торговля с Востоком. Столица империи Константинополь являлась крупнейшим рынком своего времени. Византия продолжала чеканить золотую и серебряную монету, являющуюся универсальным средством обмена. При дефиците и высокой стоимости золота «один лишь император в Константинополе распоряжался его постоянными запасами, которые пополнялись благодаря циркуляции казенного золота, собиравшегося в его сокровищницах в качестве налоговых платежей и затем выплачивавшегося в качестве жалования, что в конечном итоге порождало денежные доходы, которые, в свою очередь, подвергались налогообложению» [1, с. 194]. Развитая налоговая система империи позволяла ей год за годом, столетие за столетием собирать в казну суммы, необходимые на покрытие крупных расходов имперского двора, выплату жалования воинам, содержание флота и отступные агрессивным соседям, чтобы они вели себя тихо. Причем суммы, изъятые в виде налогов из рыночного обращения, очень скоро вновь возвращались в экономику в виде платы за те ресурсы и товары, которые были совершенно необходимы их получателям [1, с. 141]. Придворная бюрократия, перераспределявшая денежные потоки внутри империи и за ее границами, обходилась казне в очень значительные суммы, но ее неустанный труд скреплял разнородные части империи в общую систему, поддерживал ее в необходимом напряжении и неоднократно позволял ей заново возрождаться из руин [1, с. 90].

Третьим фактором являлась изобретенная византийцами стратегия не прямых действий, название которой до сих пор сохранило имя своих создателей в ряде европейских языков. Стратегию автор определяет, как общий план деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения

сложной цели. Важнейшим условием стратегии является дефицит ресурсов, которых оказывается недостаточно для прямого достижения основной цели. Применение стратегии имеет целью максимизацию результата их применения и снижения цены издержек [1, с. 575]. Расхожий миф о византийской дипломатии – бесконечно коварной, неизменно предательской, подчас увязающей в бесконечных интригах – представляет собой вымысел, созданный недоброжелателями, за которым все же скрывается зерно правды. Византийская стратегия, как правило, предусматривала отказ от прямого применения силы и для достижения своих целей прибегала к значительно более сложной и изощренной системе действий. В ее состав входили выплата денежных подарков противникам империи с целью удержать их от нападения и адресный подкуп лиц из окружения их правителей, способных действовать в качестве агентов влияния, использование престижа империи и привлекательность цивилизованного образа жизни, династические браки и торговые преференции. Важнейшим аспектом стратегии было вовлечение в орбиту византийской политики соседних с ней народов, которые империя заставляла служить своим целям, либо поддерживая мир на ее границах, либо ведя войны против общего противника [1, с. 22].

Историческому описанию и анализу стратегии Византийской империи посвящена большая часть книги Люттвака. Римская империя, предшественница Византии, в эпоху наивысшего расцвета в I – III вв. н.э. обладала подавляющим превосходством над любым из имевшихся у нее противников. Сочетая попеременно, то агрессивную политику террора и устрашения, то умелую оборону границ, римляне в течение долгого времени успешно сдерживали постоянно атаковавшие ее варварские орды и поддерживали гражданский мир внутри государства. Их политика с позиции силы, по мнению автора, скорее соответствовала линейной логике здравого смысла, а не стратегии в строгом определении слова [1, с. 582]. Византия, в сравнении с Римской империей, уже не обладала столь значительным преимуществом над своими врагами. Ее территории не доставало необходимой глубины для организации эшелонированной обороны, более скромные финансовые и мобилизационные возможности позволяли ей содержать лишь армию ограниченной численности, она также не могла перебрасывать дополнительные резервы с других фронтов в те места границы, которым угрожала непосредственная опасность, поскольку на протяжении большей части своей истории империя находилась в состоянии хронической обороны, когда ее враги одновременно наседали на нее по всем фронтам. В этих тяжелых условиях ограниченных ресурсов и непрекращающегося осадного положения византийцам пришлось отступить от римских канонов политики и создать собственные.

Новая стратегия, как считает Люттвак, сложилась с вторжением в Европу гуннов. Эти кочевники располагали многочисленными и одновременно очень мобильными армиями, состоявшими из природных бойцов. Большое количество лошадей позволяло им в самый короткий срок совершать переходы на огромные расстояния, появляясь перед не ожидавших их противником и сполна используя эффект внезапности [1, с. 57]. Самым грозным оружием гуннов был

сложносоставной лук. Стрелы, посланные из такого лука, поражали цель на дальних дистанциях, пробивая при этом любую защиту [1, с. 49]. Потерпев от гуннов ряд катастрофических поражений, византийцы отчаялись в возможности разбить этого врага привычными средствами и оказались вынуждены прибегнуть к дипломатии. В течение длительного времени они откупались от гуннов золотом. Ежегодная империя платила в качестве дани 2000 фунтов золота, что составляет примерно 25 млн. долларов по нынешним ценам. Эта сумма составляла значительную часть государственного бюджета, но она предотвращала разорение провинций и давала возможность выиграть время, необходимое для накопления собственных сил [1, с. 89]. Золото позволяло империи также нанимать на службу целые отряды конных лучников, становившихся из ее врагов грозными союзниками. Данью, щедрыми подарками вождям и союзникам гуннов Константинополь исподволь подтачивал их силы, и когда после смерти грозного повелителя гуннов Аттилы ему представился удобный случай, руками купленных на эти деньги союзников он сумел нанести своим врагам смертельный удар.

«Тем самым, – пишет автор, – утвердился новый стратегический подход, знаменовавший собой еще один этап перехода от Рима к Византии: сначала дипломатия, а потом сила, ибо цена первой была всего лишь временной, тогда как риск, заключавшийся в последней, мог привести к полному и окончательному поражению» [1, с. 89]. Особая роль в византийской дипломатии отводилась разведке и сбору сведений о противнике, осуществлявшемся всеми возможными средствами. Информация получалась через торговцев, регулярно посещавших чужую территорию, через воинов пограничных гарнизонов, использовались также донесения шпионов и помощь «агентов на местах», вербовавшихся из числа недовольных местных жителей. Тайные операции являлись прямым продолжением шпионажа и занимали естественное место в византийском способе ведения войны, отчасти как способ снизить военные потери, а в лучшем случае, чтобы вовсе избежать военных действий [1, с. 100]. Для этого византийцы использовали различные средства убеждения, включая миссионерскую проповедь, дипломатические браки и посылку подарков, но золото среди них играло важнейшую роль. Это предпочтение денежных выплат означает, что цена дани для византийцев была меньшей, чем двойная цена, которую пришлось бы заплатить за оборону, и которая, при необходимости, должна была включать как военные расходы, так и ущерб, причиненный разорением охваченной военными действиями территории. Так, гуннская ежегодная дань в 2000 фунтов золота не кажется чем-то чрезмерным в сравнении со 100 000 фунтов, в которые казне обошлась неудачная морская экспедиция императора Льва I против вандалов [1, с. 87].

Для византийцев война являлась необходимым, но чрезмерно затратным предприятием, к войне следовало готовиться, но ее нужно было избегать любыми средствами. В этом отношении к войне проходил еще один раздел с эпо-

хой Рима. В то время как для римлян целью войны являлась победа и завоевание мира, византийцы рассматривали мир лишь как временный перерыв в войне. Уничтожив одного врага, империя немедленно сталкивалась с другим, который занимал его место. В то время как утрата немногочисленных и ценных воинов, как цена за «износ» врага, была окончательной и невозполнимой, обретенные таким образом стратегические достижения носили временный характер. Даже полное уничтожение врага не было окончательным достижением, поскольку в бесконечной войне вчерашний враг зачастую становился лучшим союзником [1, с. 92]. Поскольку византийцы в полной мере это признали, они отказались от умножающих потери лобовых атак и положились на маневренную войну. Основным видом их войск была конница, которая противостояла врагу наскоками при наступлении и засадами при обороне, сдерживанием и обходом с флангов, способная одержать победу скорее подрывом сил врага, нежели его уничтожением на поле боя [1, с. 93]. В наступательном отношении такая тактика наиболее успешно применялась в юстиниановых захватнических войнах в Северной Африке и в Италии. В обороне она применялась вплоть до падения империи, позволив отсрочить этот момент почти на целое тысячелетие.

Гений византийской стратегии заключался в том, чтобы саму многочисленность врагов превратить в преимущество, используя дипломатию, перемакивание на свою сторону, выплаты и обращение в свою веру, чтобы заставить их сражаться друг с другом, а не с империей. Военная сила у византийцев была подчинена дипломатии, а не наоборот, и использовалась она скорее для сдерживания и наказания, а не для нападения и защиты. Созданный византийцами образ самих себя, как единственных защитников истинной веры, позволял им сохранять солидарность и моральное равновесие перед вызовом их врагов. Эти представления хорошо соответствовали христианской православной этике, в которой война, как и любое насилие имело греховную природу. Нет сомнений, что их искренне разделяли не только духовенство, но также аристократия и значительная часть простонародья [1, с. 584].

Список источников и литературы

1. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи / Люттвак Э. Н. пер. с англ. А.Н. Ковалю. – М., Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 664 с.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КОНЦА XV – СЕРЕДИНЫ XVI В. В ТРАКТАТЕ МИХАЛОНА ЛИТВИНА «О ПРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН»

УДК 94(474.5)

Л.В. Николаева

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

Внешняя политика – это сфера деятельности определенных субъектов на международной арене, которая регулирует отношения с другими субъектами международных отношений. В период позднего средневековья и раннего нового времени такими субъектами являлись только государства. Одним из них было Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ). Внешняя политика ВКЛ опиралась на экономический, демографический, военный и культурный потенциал государства, поскольку сочетание последних определяло возможности государства на тех или иных направлениях, иерархию приоритетов в постановке и реализации целей внешней политики. Геополитическое положение ВКЛ исторически доминировало в выборе им партнеров и развитии взаимоотношений с противниками.

Традиционной формой осуществления внешней политики государства являлось установление дипломатических отношений между государствами (или снижение их уровня, приостановка, разрыв и даже объявление войны при обострении отношений с бывшими партнерами или противниками). Как любое государство, ВКЛ имело на международной арене свои особые интересы и задачи, при достижении которых оно могло вступать в противоречия с интересами других государств. Крайней формой решения этих противоречий были войны, главным инструментом ведения которых являлись войска. Кроме того, политически значимые результаты иногда достигались путем систематического воздействия на сознание людей с использованием разных методов убеждения. Используя эти политические, военные и идеологические средства, государство стремилось достичь своих внешнеполитических целей.

Благодаря существованию разнообразных каналов связи, ВКЛ занимало соответствующее ему место и в системе других государств. Причем, начавшая налаживаться в это время в Европе система международного равновесия, делала невозможным существование государства-гегемона в определенном регионе [14, с. 3].

Принятая в каждом конкретном государстве система взглядов на цели, задачи и характер внешнеполитической деятельности, способы ее реализации отражались в его внешнеполитической доктрине. При этом акцент делался на основных проблемах, актуальных для государства на тот момент, а также определялись принципы его действий в международных делах.

Отдельно следует остановиться на характеристике рассматриваемого периода. В целом, конец XV – середина XVI в. – этап, который был переломным в

истории не только ВКЛ, но и всей Европы, которая с конца XV в. вступила в новый этап международных отношений. Характерной его особенностью стало завязывание ряда узлов международных противоречий, угрожавших войнами. Во-первых, это было столкновение интересов Испании, с одной стороны, и Франции и Англии, со второй, которое вылилось в конце XV – первой половине XVI в. в Итальянские войны (1494 – 1559 гг.). Во-вторых, взаимоотношения европейских государств с Османской империей, которая осуществляла свою экспансию в Европу. В-третьих, борьба между странами Северной Европы за господство на Балтике. Четвертым узлом международных противоречий данного периода явилось противостояние Великого Княжества Московского и ВКЛ, соперничавших в деле собирания русских земель. Перманентная военно-политическая борьба за гегемонию в восточноевропейском регионе, в которую переросли литвинско-московские отношения, не прошли незамеченными для других государств-соседей, поскольку фактически все они в той или иной степени оказались втянутыми в этот конфликт. Перевес ВКМ, который наметился уже с начала XVI в. и был закреплен дальнейшими успехами в военных операциях, вызвал смену расстановки сил в Восточной Европе, нарушив налаженное равновесие сил. Попытки ВКЛ восстановить свое прежнее положение и существовавший ранее международно-правовой порядок с помощью военных акций успеха не имели. В свою очередь ослабление военно-политического потенциала государства вызвало рост значение дипломатии в разрешении актуальных противоречий с ВКМ [14, с. 4].

Следует отметить, что преобладание дипломатических средств в решении внешнеполитических противоречий, наблюдавшееся в то время в практической деятельности руководства ВКЛ, не было случайным. XVI в. в европейских странах стал временем оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, обслуживавших внешнюю политику государств [15, с. 239]. ВКЛ несколько отставала в этом плане. Здесь дипломатическая служба в рассматриваемый период еще не являлась автономным государственным институтом. Дипломатические отношения были только одной из функций государственного аппарата в целом. Кроме того, сохранение персональной унии с Польшей приводило к своеобразному самоограничению ВКЛ в сфере деятельности его дипломатии. Это было связано с попытками польской стороны монополизировать отношения ВКЛ со странами Центральной и Западной Европы, оставляя в области компетенции великокняжеской дипломатии только отношения с государствами Восточной и Юго-Восточной Европы [16, с. 9]. Вместе с тем, существование в структуре государственного управления ВКЛ таких институтов, как Рада панов и вальный сейм, содействовало тому, что во внешнеполитическом курсе ВКЛ сохранялись элементы, позволявшие обеспечивать определенную степень самостоятельности в осуществлении программы его международной политики руководством страны, подчеркивая обособленность ВКЛ от Польши, избавляясь от польского влияния во внешней политике Княжества [14, с. 5].

В числе повествовательных источников, созданных в середине XVI в., которые можно привлечь к исследованию истории внешней политики ВКЛ в конце XV – середине XVI в., обращает на себя внимание трактат Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», который несколько выделяется в числе других нарративов того времени. В распоряжении исследователей есть только 10 больших фрагментов произведения, которые сохранились до нашего времени. Они были изданы на латинском языке в 1615 г. в Базеле (Швейцария) Й.Я. Грассером в типографии К. Вальдкирха (в одной книге с работой Я. Ласицкого «О богах жемайтов, других сарматов и ненастоящих христиан...») [1]. Полный текст трактата пока не найден.

Уже в XIX в. сохранившиеся части трактата М. Литвина стали предметом интереса русских исследователей, когда были сделаны два перевода их текстов на русский язык С.Д. Шестаковым [2] и К. Мнльником [3]. Факсимиле первого издания и перевод на литовский язык Й. Ионинаса были опубликованы в Вильнюсе в 1966 г. [4]. Одно из последних изданий русскоязычного перевода текста фрагментов с комментариями вышло в Москве в 1994 г. [5]. Оно было использовано при написании данной статьи.

Исследователи сходятся во мнении о том, что трактат был написан до 1550 г., так как в этом году он уже был представлен Сигизмунду II Августу (в ВКЛ Сигизмунд III Август) (1520 – 1572) королю польскому и великому князю литовскому [1548 – 1572, формально с 1529] [5, с. 61].

Также не вызывало сомнения, что Михалон Литвин – это псевдоним автора. Настоящее его имя долго оставалось предметом дискуссии. В дореволюционной российской, а затем и советской исторической литературе авторство приписывалось Михаилу Тышкевичу, государственному деятелю и дипломату, православному по мереисповеданию, участнику посольства в Крым в 1538 г. [6, с. 87]. Впервые имя М. Тышкевича, как предполагаемого автора трактата, было предложено известным исследователем истории ВКЛ, представителем киевской школы В.Б. Антоновичем [7, с. 5 – 6]. Основанием для такого предположения стала схожесть имен Михалон и Михаил. Именно по имени среди общественных деятелей ВКЛ и был найден кандидат, который мог бы написать данное произведение. Эта гипотеза была поддержана и развита авторитетным исследователем истории ВКЛ, классиком литуанистики М.К. Любавским [8, с. 49–54]. С резкой критикой такого мнения выступил И.И. Лаппо, который обратил внимание на несовпадение некоторых характеристик личности автора текста и предполагаемого кандидата на эту роль (первый – литовец, католик, который воспринял идеи Реформации, второй – православный русин) [9, с. 333]. Однако, несмотря на критику И.И. Лаппо, первоначальная версия укрепились и была принята многими исследователями. С кандидатурой М. Тышкевича в качестве автора трактата, хотя и не без колебаний, соглашался и литовский исследователь Й. Ионинас [6, с. 87]. В то же время последний озвучил и новое мнение относительно вероятного автора, предложенное, но не опубликованное К. Яблонски-

сом, который считал, что трактат мог принадлежать перу Микифора Гриньки Ловейковича по прозвищу Михайло [10, с. 14]. Вместе с тем, подготовленная Й. Ионинасом литовскоязычная публикация трактата содействовала укреплению гипотезы М.К. Любавского [4]. С ней соглашался и еще один литовский исследователь Ю.М. Юргинис [6, с. 87 – 96]. К вопросу об авторстве трактата обращался и белорусский ученый С.Ф. Сокол, который частично развернул выводы М.К. Любавского, и причислил М. Литвина к представителям гуманистической мысли Беларуси [11, с. 35–63; 12, с. 199–204]. Новый взгляд на проблему появился в конце 1970-х гг., когда польский историк Е. Охманьский на основе комплекса признаков, которые характеризовали автора, а также свидетельств других источников, убедительно доказал, что вторым трактата мог быть только Венцеслав (Венцлав) Миколаевич (около 1490–1560 гг.), литовец, католик, латинский секретарь великокняжеской канцелярии в 1534 – 1542, 1547 – 1556 гг., участник нескольких дипломатических миссий, в том числе в Крым (в 1542 – 1543 гг.) и Москву [13, с. 97 – 117]. На наш взгляд, логичные и обоснованные доказательства Е. Охманьского являются наиболее приемлемыми.

Трактат – полемическое произведение. Но приближенность автора к центру принятия политических решений, а также его дипломатический опыт и описание увиденного во время посольств позволяют рассматривать сохранившиеся части трактата как источник по различным аспектам внешней политики ВКЛ.

В первом фрагменте М. Литвин дал характеристику татарского мира, его раздел на орды, отмечая наибольшую опасность для ВКЛ самых слабых, но ближе других находящихся перекопских татар, т.е. Крымского ханства [5, с. 62]. Информация, приведенная автором трактата, имела стратегическое значение для возможных военных походов войск ВКЛ на Крым. Он обратил внимание на организацию военного дела и взаимоотношения татар и турок с христианским населением Крыма. По его данным, хан мог собрать войско численностью около 30000 конников [5, с. 65].

Описывая отправление татарских войск на помощь туркам в походе на Венгрию, который мог иметь место в 1543 г. [13, с. 105], М. Литвин обратил внимание на бедное вооружение татар, которые, однако, всегда брали с собой много коней, до пяти запасных на одного конника. Последнее позволяло увеличить скорость и мобильность передвижения. Отсутствие обоза также повышало скорость передвижения. Важной целью набегов татар был захват пленных для продажи. В бою они обычно окружали противника с левого фланга, что делало более удобной стрельбу из лука. Татары часто использовали тактику обмана и засад. Без уловок и хитрости они часто уступали значительно меньшему войску [5, с. 66]. В качестве примера М. Литвин привел битву на р. Ольшанице 5 февраля 1527 г., где, по его сведениям, войску противника, потери которого составили 25 тысяч человек, противостояло 3,5-тысячное войско ВКЛ, которое в итоге победило. Такие сведения о соотношении сил сообщает только М. Литвин. В битве же под Клецком погибло 27 тысяч татар, разбитых 9-ю тысячами ратников ВКЛ [5, с. 67].

М. Литвин обратил внимание на то, что татары выбирают для битв стратегически выгодные места. Так было у Сокаля, где войско ВКЛ потерпело поражение, ибо в разрушенном городе быстро двигаться было невозможно. Из-за стратегического просчета была проиграна и битва с Ислам-Султаном у Очакова, несмотря на численный перевес войска ВКЛ. Оно было разбито в то время, когда его командиры находились на переговорах с татарами [5, с. 67–68].

Во втором фрагменте М. Литвин сообщал о ежегодных «упоминках», которые присылает в Крым ВКЛ, как друзьям-союзникам [5, с. 75].

В третьем фрагменте автор трактата негодовал из-за потери 73 крепостей ВКЛ, захваченных восточным соседом [5, с. 76]. М. Литвин не согласен с тем, что заволжские и крымские татары называли князя москвитян своим холопом, так как от их верховенства избавился еще великий князь московский Иван III. Последний, пользуясь занятостью короля и великого князя Казимира войной в Пруссии, присоединил к своей вотчине литовские, по мнению М. Литвина, земли: Новгород, Псков, Северщину [5, с. 77–79]. А его сын Василий присоединил Смоленск, хитростью занятый М. Глинским [5, с. 79]. А царь Иван IV, хотя и отдал ВКЛ Гомель, построил на захваченных землях три крепости: Себеж, Велиж, Заволочье. По мнению автора, московский царь во всем берет пример с великого князя литовского Витовта, которым М. Литвин открыто восхищался [5, с. 80, 85].

В пятом фрагменте М. Литвин подчеркнул ведущую роль литвинов в освобождении русского населения от татарского ига [5, с. 87]. Он с гордостью вспоминал о коронации Миндовга королевской короной, крещении Литвы в 1386 г. великим князем Владиславом Ягайло и объединении Польши и ВКЛ под его руководством [5, с. 88].

В восьмом фрагменте автор восхищался славным военным прошлым ВКЛ во времена Гедимины и Витовта [5, с. 91], походами на Москву. Он предлагал отказаться от наемных войск во время военных кампаний. При этом автор приводил пример короля Венгрии Людовика, оставленного наемниками во время битвы, после чего он был затоптан при бегстве. Вспоминал он и Казимира Ягеллончика, которого во время битвы у Хойнице спасли добровольцы из ВКЛ [5, с. 93].

В девятом фрагменте содержатся сведения об организации дипломатической службы в ВКЛ. М. Литвин утверждал, что на его родине, когда посылали кого-нибудь по государственной службе, то он, даже если еще не заслужил, получал деньги из казны в необходимом количестве, хотя многие возвращались, ничего не сделав [5, с. 94]. Канцелярия ВКЛ выдавала очень много разрешений на подводы. Недавно же от обязательных постоев освободили тех, кто в свое время получил имения у дорог к землям москвитян, татар и турок, при условии, что они будут выполнять эту повинность [5, с. 95]. Автор трактата обвинял в потере северских крепостей князей-перебежчиков С. Можайского и В. Шемячича. М. Литвин также сообщал о деятельности московских шпионов. Так, по его сведениям, какой-то московский священник тайно проник в великокняжескую

канцелярию и добыл там копии договоров, распоряжений и материалы совещаний, которые посылал своему правителю. М. Литвин сожалел о 300 трофейных флагах, утраченных в результате пожара в виленском костеле Святого Станислава, в том числе 12, захваченных 8 сентября 1514 г. в битве под Оршей, во время которой было убито и захвачено в плен 80 тысяч московских воинов. Автор демонстрирует и знакомство с политической жизнью за границей, поскольку знает, что у ливонцев с Москвой вечный мир (по сути – перемирие 1503 г.) и добрососедские отношения [5, с. 96]. Он перечислил девять переправ через Днепр и советовал поставить там хотя бы небольшие отряды, чтобы перекрыть путь татарам [5, с. 99]. С этой целью можно было бы использовать казаков [5, с. 100–101].

Таким образом, трактат М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» относится к числу нарративных источников, информационно богатых сообщениями по истории взаимоотношений ВКЛ с Крымским ханством и рядом других татарских орд. В нем также имеются интересные сообщения об отношениях ВКЛ с Великим Княжеством Московским. Произведение содержит временами уникальные сообщения о событиях внешнеполитического характера, акцентирует внимание на ряде важных моментов внешнеполитической и военной доктрины ВКЛ, дает их оценку с точки зрения своих современников, пытается объяснить причины военных неудач ВКЛ и является интересным аутентичным источником.

Список источников и литературы

1. Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X multiplici historia referta et Johannis Lasicii Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeriorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscript authentice adite. – Basiliae apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. – P. 1–41.

2. Литвин, М. Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян»/ М. Литвин; пер. С.Д. Шестакова// 1) Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. – М.: тип. Александра Семина, 1854. – Кн. 2. Половина вторая. Отд. 5. – С. I – VIII, 1 – 78; 2) Вестник Юго-Западной и Западной России. – Т. III. – Февраль 1864. – С. 23 – 30; Март 1864. – С. 39 – 50.

3. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян. Отрывки 1-10 / М. Литвин; пер. К. Мельника // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси / под ред. В. Антоновича. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – Вып. 1: XVI в. – С. 6–58.

4. Lietuvis, Mykolas. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius: Dešimt įvairaus istorinio turinio fragment/ Mykolas Lietuvis (vertė I. Jonynas, parengė). – Vilnius: Vaga, 1966. – 137 p.

5. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян/ М. Литвин; пер. В.И. Мотузовой, отв. ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 151 с.
6. Юргинис, Ю.М. Посольство Михаила Литвина у Крымского хана в 1538–1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1979. – С. 87 – 96.
7. Антонович, В.Б. Извлечения из сочинения Михайлы Литвина / В.Б. Антонович // Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси/ под ред. В. Антоновича. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. – Вып. 1: XVI в. – С. 1–6.
8. Любавский, М.К. Кто был Михайло Литвин, написавший в первой половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян»/ М.К. Любавский// Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук: Ученые записки Института истории. – 1929. – Т. IV. – С. 49–54.
9. Лаппо, И.И. Литовский статут 1588 г./ И.И. Лаппо. – Каунас, 1936. – Т. 1: Исследование, ч. 2. – X, 591, [1] с.
10. Дмитриев, М.В. Михалон Литвин и его трактат/ М.В. Дмитриев, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич// Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян/ М. Литвин; пер. В.И. Мотузовой, отв. ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 6–56.
11. Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. / С.Ф. Сокол. – Минск: Наука и техника, 1974. – 144 с.
12. Сокол, С.Ф. Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича / С.Ф. Сокол // Проблемы общественных наук: Материалы XIII конференции молодых ученых Белоруссии / Под ред. И.М. Ильюшина. – Минск: АН БССР, 1970. – 309 с.
13. Охманьский, Е. Михалон Литвин и его трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» середины XVI в. / Е. Охманьский // Россия, Польша и Причерноморье в XV – XVIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1979. – С. 97–117.
14. Мікалаева, Л.В. Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.: Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Л.В. Мікалаева/ БДУ. – Мн., 2003. – 107 с.
15. История дипломатии. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. – Т. 1. – 896 с.
16. Баненис, Э. Д. Посольская служба Великого Княжества Литовского (середина XV в.-1569 г.): Автореф. дис. ...канд. историч. наук: 00.07.02/ Э.Д. Баненис / Ин-т истории АН Литвы. – Вильнюс, 1982. – 21 с.

ИСТОРИОСОФИЯ ГАЛИЦКО-РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГАЛИЧИНЕ В XIX ВЕКЕ

УДК 323.1:94(436) + 94(47)

К.В. Шевченко
*Центр евразийских исследований
Филиала РГСУ в Минске*

Восточная Галиция, традиционно считающаяся бастионом украинского национализма, окончательно приобрела подобный имидж сравнительно недавно, лишь после геноцида галицких русофилов, развязанного австро-венгерскими властями в ходе Первой мировой войны. Еще в начале XX в. украинская самоидентификация не полностью утвердилась в Галиции. По мнению исследователей, в это время «половина галицийского крестьянства не имела отчетливо выраженного национального самосознания в современном понимании и служила объектом борьбы «за души» [1, с. 3]. Даже в г. Станиславове (современный г. Ивано-Франковск), который являлся одним из центров украинского движения в Восточной Галиции, термин «украинец» стал вытеснять «русинское» самоназвание только после 1917 г.» [1, с. 5]. В то же время, среди галицко-русской интеллигенции были широко распространены идеи, трактовавшие галицких русинов как часть единого русского народа от Карпат до Камчатки.

В начале XX века в тогда еще австрийском Львове и в 1920-30-е годы в уже польском Львове выходили газеты на русском языке, отстаивавшие идею общерусского единства великороссов и малороссов и полемизировавшие с украинскими националистами. «Русско-народная партия в Галичине исповедует... национальное и культурное единство всего русского народа, а поэтому признает своими плоды тысячелетней культурной работы всего русского народа, принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа» [2, с. 17], - декларировал съезд русско-народной партии Галиции, состоявшийся 27 января (7 февраля) 1900 г. во Львове. Общественные деятели Галиции в конце XIX – начале XX вв. отмечали широкое распространение стихийных «москвофильских» настроений среди «русского простонародья Галичины и Буковины» [3, с. 187], указывая при этом, что галичане даже превосходят «малорусское и великорусское простонародье в России в развитии национального сознания, в патриотизме и в глубокой привязанности к русскому обряду и русской церкви» [3, с. 187]. Это были вынуждены признать и местные активисты украинского движения, выразившие сожаление по поводу того, что галицкие мужики «от природы москвофилы» [3, с. 185].

Впрочем, как заметила Н.М. Пашаева, автор первой отечественной монографии о русском движении в Галичине, современные внуки и правнуки галицких русинов «едва ли захотят вспоминать сейчас своих русских дедов и прадедов» [4, с. 7]. К этому стоит добавить, что большинство нынешних галичан не

только не хотят, но и по объективным причинам не могут вспомнить своих русских предков, так как русское прошлое Галиции основательно проутюжил поток украинской политической и околонучной цензуры, стерев из учебников и общественной жизни эту неудобную для нынешней украинской политической элиты информацию.

Галицко-русские общественные деятели подчеркивали колоссальную роль Галицкой Руси в общерусской истории, отмечая, в частности, что уроженцы Галицкой Руси внесли большой вклад в возвышение Москвы и Московского княжества в период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига. К числу самых известных из них относился выходец из Галиции митрополит Петр, который, поддерживая объединительную политику внука Александра Невского московского князя Ивана Калиты во второй четверти XIV века, «перенес в Москву митрополичий престол и сделал Москву духовным центром объединяющейся России» [4, с. 9]. Галицкие общественные деятели воспринимали личность Петра как один из символов общерусского единства, подчеркивая, что «ближайшим советником Ивана Калиты был первый митрополит московский Петр, называемый также Петром из Раты, поскольку он родился в нынешней Галичине и жил над рекой Ратою...» [5, с. 27]. Таким образом, именно галичанин стоял у истоков превращения Москвы в церковную столицу русских земель, что весьма символично. Сам Иван Калита воспринимался галицко-русскими деятелями как «собиратель русской земли», смерть которого в 1340 г. лишила Русь «сильных князей, которые бы могли соединить Галицко-Владимирское княжество с другими русскими землями» [5, с. 27].

Характеризуя положение Галицкой Руси в составе Польши, которая захватила галицкие земли в 1340-е годы при Казимире Великом, Мончаловский подчеркивал, что вся политика польских королей была направлена на то, чтобы «прервать и уничтожить связь между русскими подданными Польши и русскими жителями возникшего в то время на севере Московского великого княжества, тем более, что русские подданные Польши не отличались по вере, языку и письму от русских жителей Московского княжества... В этих же целях была использована и церковная уния, заключенная в Бресте» [5, с. 47]. Борьба против Брестской церковной унии стала мощным катализатором развития общественной и интеллектуальной жизни Малороссии и Галиции, которые выдвинули из своей среды много ярких фигур. Уроженцем древнего галицко-русского Перемышля (ныне г. Пшемысль в юго-восточной Польше), был выходец из местной православной шляхты крупный церковный и общественный деятель Юго-Западной Руси Захария Копыстенский, ставший в 1624 г. архимандритом Киево-Печерского монастыря. В своем знаменитом полемическом сочинении «Палинодия, или книга обороны кафолической», направленном против униатов, Копыстенский обосновывал исконность православия на Руси, указывая, между прочим, на то, что и поляки были изначально восточными христианами, приняв веру от чехов, которые, в свою очередь, приняли крещение от греков.

Русский народ рассматривался Копыстенским как единое целое и как изначально православная общность.

Именно в это время окончательно оформляется идея общерусского единства, которая впервые была четко сформулирована и обоснована малорусскими мыслителями и общественными деятелями. Опубликованный в 1674 г. в Киеве архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелем «Синописис» провозглашал историческое единство Великой и Малой Руси, единство всех ветвей русского народа и единую государственную традицию Киевской Руси. Именно киевский «Синописис» 1674 г. вплоть до второй половины XVIII в. был единственным пособием по истории России, оказав огромное концептуальное влияние на становление традиционной русской историографии. Взгляд «Синописиса» на единство Великой и Малой Руси нашел свое отражение во всех основополагающих обзорных трудах по истории России от Карамзина до Соловьева и Ключевского [6, р. 22]. В XVII в. усиливаются контакты мыслителей и церковных деятелей Юго-Западной Руси с Московской Русью, испытавшей колоссальное влияние малороссийской интеллектуальной и церковной традиции, что привело к симбиозу двух начал и способствовало развитию общерусской культуры.

Представители галицко-русской общественной мысли всячески подчеркивали колоссальную роль, сыгранную уроженцами Малой Руси в развитии русской науки, культуры и просвещения. Так, О. А. Мончаловский отмечал, что Москва являлась политическим центром свободной Руси, но при этом длительное время «не была центром просвещения» и «не представляла удобной почвы для восприятия и распространения образованности. ...Свет нового просвещения, которому впоследствии суждено было отразиться и на самой Москве, загорелся на юго-западных окраинах Руси, попавших частью под Польшу, частью под Литву. Православные братства, вызванные преследованиями со стороны Польши и римокатоличества... посвящают все свои нравственные и материальные средства на распространение образованности и учреждают училища» [3, с. 168]. Особенно важное место в этой деятельности принадлежало Киеву и созданной по инициативе митрополита П. Могилы в 1631 г. Киево-Могилянской академии, откуда «выходили просвещеннейшие люди на всю Русь и вследствие этого Киеву еще раз пришлось играть весьма важную роль в истории просвещения всей Руси. Плоды этого просвещения проявились в том, что среди русского населения Польши и Литвы... выступает целый ряд деятелей и ими создается литература полемического и богословского содержания. Из той же среды выходят ученые люди, которые не только в южной Руси противостоят противонародной пропаганде, но проникают и в Москву и кладут первое основание русской учебной литературе» [3, с. 169].

Среди уроженцев Юго-Западной Руси, оказавших особенно сильное влияние на Московскую Русь, галицко-русские деятели называли М. Смотрицкого, славянскую грамматику которого, «перепечатанную в 1618 г. в Москве, употребляли во всей России до Ломоносова» [3, с. 170], а также К. Транквилиона, И. Копинского, С. Полоцкого, Е. Славинецкого, И. Галятовского, И. Гизеля и

Д. Ростовского. О. Мончаловский отмечал, что С. Полоцкий и Е. Славинецкий, находясь в Москве, «просвещали русский народ», а С. Полоцкий, являвшийся воспитателем царевича Федора Алексеевича, имел большое влияние в Московской Руси и был инициатором создания в Москве славяно-греко-латинского училища, позже преобразованного в академию. К заслугам С. Полоцкого относилось также введение проповедей в московских церквях и написание драматических сочинений, что положило основание русскому театру.

Именно киевские ученые, как подчеркивали галицко-русские деятели, стали помощниками Петра I в деле преобразования Руси. В петровскую эпоху «мы видим южно-русских ученых во главе церковного управления и просвещения в северной Руси: С. Яворский был местоблюстителем патриаршего престола; Г. Бужинский стоял во главе русского книгопечатания и школьного образования и получил от Петра I титул «протектора школ и типографий» [3, с. 171]. Однако наибольшим влиянием при Петре обладал Ф. Прокопович, по совету которого «Петр Великий основал в Петербурге Академию наук» [3, с. 172]. «Главнейшими сотрудниками Петра I на поприще научной, литературной и государственной деятельности были малороссы, питомцы Киевской академии, - не без гордости заключал в 1898 г. галичанин О.А. Мончаловский. – Это участие малороссов в общерусской лингвистической работе продолжалось и после Петра, продолжается и по настоящее время» [3, с. 7].

По справедливому замечанию А. Миллера, «культура, которую мы знаем сегодня как русскую, была создана в XVIII и в первой половине XIX в. совместными усилиями русской и украинской элит, если вообще возможно применение этих терминов более позднего происхождения к тому времени; или же, что более правильно, усилиями великорусской и малорусской элит. Именно с этим общим наследием и пришлось позднее бороться украинским националистам, включая М. Грушевского, который затратил много усилий на критику «традиционной схемы русской истории», возникшей в Киеве» [6, р. 22]. К этому стоит добавить, что в концептуальную разработку «традиционной схемы русской истории», которой впоследствии объявили беспощадную войну украинские историки – менеджеры «украинского проекта», внесли огромный вклад галицко-русские и карпато-русские ученые, оказавшие значительное воздействие на русскую общественную мысль в целом. Так, уроженец Закарпатья историк Ю. Венелин (Гуца), стоявший у колыбели русской славистики, оказал серьезное влияние не только на ход развития славистики в России, но и на отдельных ученых и писателей, в том числе на М.П. Погодина, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова и О.М. Бодянского. Стоит отметить, что Венелин был некоторое время учителем в семье Аксаковых, существенно повлияв на становление славянофильских взглядов братьев Аксаковых.

Подобно Угорской Руси, начало национального возрождения в Галицкой Руси в первой трети XIX века также определялось деятельностью убежденных сторонников общерусского единства. Д.И. Зубрицкий, с именем которого свя-

заны первые проявления национального возрождения галицких русинов, считался лидером «русского» направления, поддерживал активные контакты с профессором Московского университета известным историком М.П. Погодиным и был убежденным сторонником русского литературного языка как языка «культуры и науки в Галичине» [4, с. 39]. Научная и культурная деятельность Зубрицкого, несмотря на его абсолютную политическую лояльность Вене, вызвала настороженное отношение австрийской администрации, которая, в частности, ставила препоны распространению написанной Зубрицким «Истории Галицкого княжества», воспринимая подписчиков этого научного труда как своих противников. Помимо Д.И. Зубрицкого, начальный этап национального возрождения в Галиции был связан с именами М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого, которые вошли в историю общественной и культурной жизни Галицкой Руси под названием «Русская троица». Изданный в 1837 г. «Русской троицей» литературный альманах «Русалка Днестровая», ставший «важнейшей вехой в истории национального возрождения Галичины» [4, с. 18], убедительно демонстрировал явственные общерусские мотивы. Так, например, в опубликованном здесь стихотворении М. Шашкевича «Воспоминание» затрагивались и прославлялись сюжеты общерусской истории – в том числе золотая эпоха Ярослава Мудрого, а также сила и слава Новгорода. Примечательно, что содержание «Русалки Днестровой» пришлось не по вкусу бдительным австрийским чиновникам и «в Галичине альманах тотчас был запрещен и конфискован полицией» [4, с. 18], а его авторы были исключены из Львовской духовной семинарии. По словам О. Мончаловского, «судьба, постигшая авторов «Русалки Днестровой», показывает, что в Австрии было тогда опасно печатать русские книжки. Но галицко-русские писатели не могли ничего печатать и за границей, понеже существовал закон, накладывающий штраф в 25 дукатов на того, кто напечатал за границей сочинение, не прошедшее через австрийскую цензуру» [5, с. 88]. Таким образом, первые проявления культурно-национальной деятельности русинов Галиции в 1830-е годы недвусмысленно свидетельствовали об их осознании исторического и духовного единства всех русских земель.

Уже начальный этап галицкого национального возрождения был связан с борьбой против латинизации и полонизации. В 1833 г. в предисловии к своему сборнику польских и галицко-русских песен польский литератор В. Залесский высказал мысль о целесообразности присоединения галицких русинов к польской литературе. Галицкий греко-католический священник И. Лозинский поддержал эту идею в своей статье «О введении польского алфавита в русскую письменность», опубликованной во Львове в местной польской газете «Rozmaitosci» в 1834 г. [4, с. 17].

Однако эта инициатива вызвала единодушное негодование галицко-русской общественности. М. Шашкевич в своей брошюре «Азбука и алфавит», опубликованной в 1836 г., резко осудил идею перехода на латиницу, показав ее вред и неприемлемость для галицких русинов [4, с. 17]. Впоследствии попытки латинизации письменности галицких русинов будут регулярно предприниматься со стороны австрийских властей и польской администрации Галиции.

Политика австрийских властей, направленная на культурное отчуждение русинов от России и русского литературного языка, находила свое выражение в административном навязывании местного диалекта в качестве литературного языка и в открытой дискриминации тех русинских изданий, которые использовали русский литературный язык и отстаивали идею единого русского литературного языка для русинов. Так, литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е гг., подвергалась давлению австрийских властей за «чрезмерное использование московских слов». «Церковная Газета», издававшаяся общественным и культурным деятелем закарпатских русинов И. Раковским на литературном русском языке с 1856 г., была вскоре приостановлена, а затем закрыта австрийскими властями.

С изобретением украинской фонетической письменности П. Кулишом (так наз. «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи получили новое эффективное орудие обособления галицко-русской письменности от русского литературного языка. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им фонетического алфавита поляками для углубления культурно-языкового раскола между малороссами и великороссами. В своем письме к известному галицко-русскому деятелю Б. Дедицкому в 1867 г. Кулиш откровенно заявил о том, что «видя это знамя (кулишивку) в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя русского единства» [3, с. 78].

Усиление противоречий между русскими галичанами и местными украинофилами, достигшее антагонизма, было срежиссировано польской администрацией Галиции в 1890 г., когда «после предварительных совещаний с заместителем Галичины К. Бадени и митрополитом С. Сембратовичем депутат галицкого сейма Ю.С. Романчук провозгласил проект национально-политического соглашения с поляками под названием «Новая эра». Главные пункты программы Романчука гласили, что «мы, русины, народ самостоятельный, отдельный от польского и российского и на этом основании желаем развивать свою народность и язык. Мы держимся верно греко-католической веры и обряда» [3, с. 83]. По замечанию О.А. Мончаловского, данная программа означала «отречение от племенной связи с остальным русским миром, и даже отделяла галицких малороссов-униатов от православных малороссов в Буковине, не говоря уже о малороссах в России» [3, с. 83].

Представители русских галичан выступили категорически против тезисов Романчука, поскольку они противоречили идее общерусского единства, лежавшей в основе мировоззрения галицких русофилов. Соглашение украинофильской части галичан с поляками, получившее известность как «Новая эра», ознаменовалось усилением раскола между русскими галичанами и украинофилами, которых поддерживали Вена и польская администрация Галиции. Провозглашение «Новой эры» стало идеологической подготовкой для наступления на русских галичан и русский литературный язык в Галиции. С 1892 г. во всех

школах Галиции было введено фонетическое правописание («кулишивка») вместо традиционного для галицких русинов этимологического письма, которое было принято в дореволюционной России и благодаря которому русины могли свободно читать изданные в России книги. Началась кампания преследования русского литературного языка. Так, «воспитанникам Львовской духовной семинарии запретили обучаться ему, у учеников стали отбирать книжки, написанные на русском литературном языке, общества студентов «Буковина» в Черновцах и «Академический кружок» во Львове были закрыты...» [4, с. 81]. Активное участие в борьбе с русским литературным языком приняли высшие иерархи греко-католической церкви Галиции, включая митрополита С. Сембратовича, «покорного слуги графа К. Бадени» [3, с. 83]. Именно Сембратович дал «почин к изданию пастырского послания, запрещающего духовенству и мирянам выписывать и читать орган русской партии «Червонную Русь», многим священникам отнял отличия и достоинства благочинных за то, что они не приняли так называемой «новоэрской программы» [3, с. 84]. Гонения коснулись и тех русских галичан, которые состояли на правительственной службе. По словам Мончаловского, «кто хотел отличиться или поправить свою репутацию перед начальством, тот достигал цели доносом на своего сослуживца, принадлежащего к русской партии...» [3, с. 85].

Преследования представителей галицко-русского движения в Галиции, начавшиеся после провозглашения «новоэрской программы» в 1890 г., стали своеобразной генеральной репетицией широкомасштабных репрессий, обрушившихся на галицко-русское движение после начала Первой мировой войны. Принятие «новоэрской программы» и последовавшее за этим углубление раскола между русскими галичанами и украинофилами стало свидетельством окончательного перехода украинского движения из его «этнографическо-литературной» фазы на политические рельсы, тщательно подготовленные Веней и польской администрацией Галиции.

Список источников и литературы

1. Федевич, К. Украинцы и не только. Особенности национального самосознания украинцев Восточной Галиции в 1920-1930-е годы / К. Федевич // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 3-12.
2. Мончаловскій, О. Главныя основы русской народности / О. Мончаловский. – Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1904. – 132 с.
3. Мончаловскій, О. Литературное и политическое украинофильство / О. Мончаловский. – Львовъ: Типографія Ставропигійскаго Института. 1898. – 218 с.
4. Пашаева, Н. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. / Н. Пашаева. – Москва: Имперская традиция, 2007. 185 с.
5. Мончаловскій, О. Святая Русь / О. Мончаловский. – Львовъ: Из типографіи Ставропигійскаго Института, 1903. – 97 с.

6. Miller, A. The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century / A. Miller. – Central European University Press, Budapest – New York, 2003. – 282 p.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

УДК 316.421

В.В. Шимов

Белорусский государственный университет

Сама логика социальной эволюции есть логика слияния, объединения, обобществления ранее разрозненных, раздробленных элементов. Смысл этого слияния заключается в повышении жизнеспособности и открытии новых возможностей, не доступных на этапе раздробленности. Первой «социальной революцией» в истории развития живой материи можно считать появление многоклеточных организмов, т.е. объединение ранее «независимых» клеток в структуры с принципиально иными возможностями по сравнению с одноклеточными. Следующей ступенью социальности стало формирование уже многоклеточными особями сложных систем отношений и взаимозависимостей, которые мы и привыкли называть социальными. Первичные формы этой новой социальности проявляются у насекомых и дальнейшее свое развитие находят у позвоночных – птиц и млекопитающих, у которых социальность связана с формированием аналитических и познавательных функций мозга.

Максимального своего развития социальность достигает у человека. Объединяясь с себе подобными, человек разумный получает невиданные по сравнению с другими живыми существами возможности по преобразованию окружающей среды, использованию ее свойств и ресурсов в своих интересах.

Однако с самого начала в социальную эволюцию человека было заложено противоречие между интеллектуальными возможностями человеческого мозга, и архаичными формами социальности, доставшимися от обезьяньих предков и тормозившими развитие человеческой цивилизации. Как и у других млекопитающих, у приматов, от которых произошел человек, социальность была организована в форме малых групп, то есть сообществ небольшого количества особей, враждующих с другими подобными группами. Связано это с ограниченными возможностями мозга человекообразных обезьян (да и любых других социальных животных), не способных планировать и организовывать деятельность в масштабах больших групп. Человек является единственным существом, интеллектуальные способности которого позволяют действовать в масштабах не просто больших групп – всего вида в целом. Однако этот потенциал наткнулся на препятствие в виде архаичной «обезьяньей» социальности, изживание которой, пожалуй, можно считать главным смыслом социальной эволюции человека.

Социальность малых групп означает узкогрупповой эгоизм. Кругозор, интересы и горизонт планирования входящих в группу особей оказывается ограничен ее пределами. При контактах с другими группами их интересы с легкостью приносятся в жертву своим собственным. Это, в свою очередь, порождает ксенофобию, жесткое разграничение на «своих» и «чужих», где на чужих не распространяются права, принятые для своих (в т.ч., зачастую, право на жизнь), и, более

того, чужаки могут не рассматриваться как полноценные люди вообще. Примеров подобного «расчеловечивания» чужаков, характерного для разных человеческих культур, можно привести множество. Впрочем, человек этим не уникален, попросту воспроизводя древнейшие архетипы, идущие из глубин биологической эволюции. Смертоносные битвы популяций муравьев и кровавые драки обезьяньих стай наглядно иллюстрируют корни межгрупповой ненависти у людей.

Подобный тип социальности носит сугубо локальный характер, что закономерно ограничивает его возможности для развития и преобразования окружающей среды в интересах вида – носителя такой социальности. Как уже говорилось, социальность малых групп обусловлена ограниченными возможностями мозга большинства общественных животных, в своих познавательных и аналитических функциях не способных подняться выше местного уровня. Преодоление этих общественных форм стало одним из главных вызовов социальной эволюции *homo sapiens*, мозг которого оказался в состоянии вырваться за пределы локальной ограниченности и перейти к формированию «большого общества», объединяющего весь род человеческий и открывающего принципиально иные горизонты и масштабы деятельности.

Архаичные виды людей полностью оставались в рамках «обезьяньей» социальности – этому способствовали как все еще ограниченные возможности мозга, только начинавшего осваивать орудийную деятельность и предпринимать первичные попытки создания антропосферы – модифицированной человеком среды обитания. Человек разумный также достаточно долго не выходил за пределы этой «обезьяньей» парадигмы, оставаясь ограниченным примитивностью технологий, которые не позволяли подняться выше локального уровня.

Однако именно мозг *homo sapiens* смог прорвать непреодолимый для других живых существ барьер социальности малых групп. Познавательные и аналитические возможности человека разумного позволили ему создавать технологии, преобразующие окружающую среду и эксплуатирующие ее ресурсы в невиданных ранее масштабах. А это, в свою очередь, требовало кооперации в формате, выходящем за рамки первобытных малых групп с их ксенофобией и разделением на «своих» и «чужих».

Главным инструментом интеграции людей в «большой социум» становилась культура, которая является порождением еще одной уникальной способности человеческого мозга - к абстрактному мышлению и воображению. Формирование языка и других знаковых систем как средств коммуникации, мифов и символов, образующих общее смысловое пространство, - все это способствовало складыванию «воображаемых сообществ» [1], т.е. неконтактных групп, объединяющих большое количество лично не знакомых людей, которые, однако, ощущают («воображают») свою общность и в силу этого способны к солидарным действиям. Культура на базе абстрактного мышления и воображения позволяла людям преодолеть замкнутость малых групп, основанных на непосредственном общении входящих в них индивидов. Формирование больших неконтактных

«воображаемых сообществ» открывало возможности для организованной деятельности в не виданных ранее масштабах. Именно это стало важнейшей предпосылкой человеческой цивилизации, инфраструктура которой создается усилиями и служит интересам огромного количества лично не знакомых друг с другом людей.

Таким образом, глобализация, укрупнение социальных и культурных форм изначально были доминантой общественного развития человечества. Вместе с тем, атавизмы «обезьяньей» социальности в виде межгрупповой раздробленности и конфликтности, идентичностей по принципу «свой»-«чужой» по настоящее время остаются неизменными спутниками человеческой истории.

Причин тому несколько. Само по себе противоречивое сочетание возможностей человеческого мозга с пережитками «обезьяньей» социальности есть следствие консерватизма эволюционного процесса. С одной стороны, эволюция изменчива и динамична, благодаря чему становится возможным появление новых форм жизни, адаптирующихся к постоянно меняющимся условиям или получающих возможность осваивать новые среды обитания, недоступные эволюционным предшественникам. С другой же стороны, любая форма жизни стремится к устойчивости и неизменности, что придает эволюции консервативный и инерционный характер. Новые структуры, возникающие в ходе эволюции, очень часто не вытесняют старые, а надстраиваются над ними, создавая противоречивое сочетание.

Так, внутривидовая агрессия, характерная и для социальных животных, является наследием досоциальных форм эволюции и входит в противоречие с принципом социальности, направленным на внутривидовую «солидарность». Это, кстати, является еще одной предпосылкой появления социальности малых групп, в рамках которой внутривидовая агрессия перенаправляется на представителей своего вида, но принадлежащих к «чужим» сообществам. Точно так же и возможности человеческого мозга, требующие формата «большого социума», вошли в противоречие с архаичными формами социальности, унаследованными человеком от предшествующих этапов эволюции.

Человек учился преодолевать эту архаичную социальность, вырабатывая мифологию больших «воображаемых сообществ» (национальных, религиозных и т.п.), а также создавая такие институты, как государство, способные объединять и управлять людьми в больших количественных и территориальных масштабах.

Тем не менее, архетипы «обезьяньей» социальности продолжали воспроизводиться и в новых реалиях. Собственно говоря, новые «воображаемые сообщества» продолжали функционировать по принципу «обезьяньих стай», воспроизводя разделение на «своих» и «чужих», просто в более крупных масштабах и будучи упакованными в культурные формы. Более того, «воображаемая реальность» человеческой культуры, призванная объединять людей в крупные общности, одновременно является и разделителем этих общностей. Культурные различия становятся маркерами для распознавания «своих» и «чужих», а мифология, продуцируемая разными культурами, придумывала «рациональные» объяснения

для межгрупповой ненависти. Показательны в этом плане многие религиозные мифы, обосновывающие «избранность» того или иного народа и его право на насилие над иноверцами. На аналогичном фундаменте возвеличивания «своих» против «чужих» строятся и все националистические мифы.

Воспроизводству «обезьяньих» форм общественной организации способствует не только генетическая память человечества, восходящая к социальным структурам австралопитеков и более древнему эволюционному опыту. Небиологические закономерности развития человеческой цивилизации также способствовали воспроизводству этих архаичных форм.

Социокультурному дроблению благоприятствовала невероятная географическая рассеянность человечества в условиях неразвитых средств сообщения. Благодаря умению поддерживать огонь, строить жилища и изготавливать одежду человек еще на ранних этапах социальной эволюции получил возможность осваивать недоступные ему ранее природные среды, в результате чего расселился практически по всей земной суше. Однако следствием этого становилась изоляция человеческих групп в новых природных ареалах и накопление как культурно-языковых, так и антропологических (расовых) различий между человеческими популяциями. На культурно-языковую дополнительно накладывалась и классовая раздробленность, когда по мере усложнения производственных отношений и технологических укладов система разделения труда начала трансформироваться в систему социального неравенства, где разные профессиональные сообщества (воины, торговцы, крестьяне и т.п.) превращались в относительно замкнутые группы с неравным статусом, а также доступом к общественным благам и ресурсам. Таким образом, узкогрупповой «обезьяний» эгоизм пробивал себе дорогу в условиях сложно организованных социумов, приобретая форму культурно-языковых и классовых различий, делавших всю систему социальных отношений неустойчивой и конфликтной.

Взаимное наложение этих двух противоречивых тенденций – к интеграции/унификации и фрагментации/дроблению – давало столь же противоречивые и нередко драматичные результаты. Процесс формирования больших неконтактных сообществ вследствие этого оставался всегда незавершенным, сами эти сообщества оставались внутренне неоднородными и несли в себе семена конфликтов, образующих эти сообщества групп – культурных, религиозных, классовых.

Так, в свое время появление универсальных монотеистических религий, призванных объединить верующих поверх этнокультурных и классовых барьеров («нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного») действительно способствовало складыванию «глобализированных» культур, объединявших людей разного этнического происхождения на больших пространствах. Формирование этих культур сопровождалось масштабными процессами унификации и ассимиляции, которые, однако, никогда до конца не стирали межгрупповых различий и связанных с ними конфликтов. Более того, эти религии сами могли продуцировать новые конфликты и разделения, дробясь на противоборствующие течения, «расколы» и «ереси».

Этническая ассимиляция в рамках больших религиозных традиций также всегда носила половинчатый и незавершенный характер. Так, экспансия исламского Халифата привела к арабизации племен и народностей Ближнего Востока и складыванию мощной арабо-мусульманской культуры Средневековья. С другой стороны, внутри этой арабской общности сохранилась достаточно глубокая дифференциация и внутренние антагонизмы. Кроме того, для многих этнических групп, принявших ислам, поверхностная арабизация стала не причиной ассимиляции, а основанием для складывания собственных традиций на базе ислама (персы, турки), нередко оказывавшихся в конфликтно-антагонистических отношениях с арабским ядром. Аналогичным образом, «православная солидарность» не смогла устранить конфликтов и конкуренции даже между близкородственными славянскими народами – сербами и болгарами, русскими и украинцами.

Помимо религий, агентами социокультурной глобализации всегда выступали империи, объединявшие под единой властью обширные и разнородные территории. Имперское строительство сопровождается социокультурной интеграцией и унификацией, которые, однако, опять-таки остаются половинчатыми и незавершенными, а внутренние антагонизмы в итоге нередко приводят империи к краху, после чего начинается новый виток дробления и дифференциации постимперского пространства.

Важным инструментом социокультурной глобализации всегда выступал и язык. Язык, как средство общения и передачи информации, выступает одним из основных орудий социальной интеграции. С другой стороны, именно языковые различия являются значимым фактором социальной дробности и фрагментированности, а социокультурные барьеры выступают в первую очередь в форме барьеров языковых. Языковая раздробленность, опять же, является наследием ранних этапов социальной эволюции, когда рассеяние человеческих сообществ в условиях неразвитых средств сообщения закономерно порождало углубляющуюся языковую дивергенцию. Причем своего пика она, по всей видимости, достигла еще до аграрной революции. Об этом, в частности, свидетельствует изучение уклада сохранившихся до наших дней архаичных племен Индонезии и Папуа-Новой Гвинеи, демонстрирующих невероятную языковую раздробленность на относительно небольших территориях, которые, однако, рассечены трудно преодолимыми для архаичных племен препятствиями (джунгли, горные хребты и т.п.). Аналогичная языковая фрагментация наблюдается и во многих других труднопроходимых горных местностях с затрудненными для сельского хозяйства условиями – например, на российском Северном Кавказе.

Аграрная революция и складывание крупных земледельческих цивилизаций породили масштабные социальные структуры, включающие разноразличные племена и народности. Как уже было сказано, языковые отличия являются основой социокультурной дробности, а языковой и информационный барьер – провоцирует фобии и способствует формированию враждебных идентичностей по принципу «свой – чужой». Поэтому аграрный переход закономерно порождал конфликт между новыми «глобализированными» структурами и межгрупповой враждебностью, вызываемой культурно-языковой фрагментацией. Очевидно,

именно к этой эпохе относится один из древнейших дошедших до нас мифов – о столпотворении Вавилонском, в котором языковая раздробленность представлена как небесная кара. Миф отражает противоречия «глобализирующегося» общества, еще не изжившего внутренние барьеры. Образ недостроенной башни, с одной стороны, отражает возросшие возможности цивилизации и, с другой, сложность их реализации из-за социокультурной распыленности.

Дальнейшее развитие аграрных цивилизаций обычно порождало язык-посредник, служивший универсальным средством общения между разноязыкими группами. Однако этот язык, как правило, не ограничивался посреднической функцией и начинал теснить, ассимилировать локальные языки, постепенно унифицируя в лингвистическом отношении пространство цивилизации. Язык-посредник, в силу своего универсализма, получает приоритетное развитие. На этом языке взаимодействует большее количество людей в больших географических масштабах, поэтому и владение таким языком открывает большие возможности. По этой причине на языке-посреднике формируется более богатая, универсальная и разнообразная культура. Возникает разность потенциалов между этой универсальной культурой и местными, локальными культурами, которые на ее фоне начинают выглядеть как все более отсталые и провинциальные, реликты былой раздробленности. Это, в свою очередь, еще больше ускоряет процесс ассимиляции малых культур и языков универсальной «имперской» культурой, которая вытесняет своих менее удачливых конкурентов, одновременно абсорбируя и синтезируя многие их элементы.

Таким образом, билингвизм, параллельное бытование двух или более языков в историческом плане оказывается явлением промежуточным, переходным, и в силу этого неустойчивым. Оно может сохраняться достаточно длительное время, если группы – носители этих языков остаются относительно изолированными друг от друга. Именно это и происходило в рамках аграрных цивилизаций. Транспортное сообщение и хозяйственные связи все еще оставались слабо развитыми, что поддерживало внутреннюю изолированность регионов, а значит – культурные и языковые различия. Чем более географически был удален тот или иной регион от цивилизационного или имперского ядра – тем труднее и медленнее шла там ассимиляция. Кроме того, сопротивление ассимиляции могут оказывать и сами ассимилируемые культуры, если они успели получить самостоятельное развитие перед тем, как оказались в зоне притяжения другой, более сильной культуры. Так балканские славяне оказывали сопротивление османской ассимиляции, а поляки и ополяченные элементы в Белоруссии и на Украине – русификации в рамках Российской империи.

Тем не менее, несмотря на все эти противоречия, которые просто выявляют нелинейный характер, присущий любому эволюционному процессу, общая тенденция к глобализации и социокультурной интеграции человечества представляется очевидной. Более того, она является глубоко закономерной и отражающей логику любого эволюционного движения. В социокультурном многообразии ча-

сто видят проявление конкуренции человеческих культур и сообществ, рассматриваемой как основной локомотив развития и прогресса. Это в значительной мере так, однако любая конкуренция, в конечном счете, завершается монополией сильнейших, вытесняющих слабых из своей «экологической ниши». Наглядна в этом плане история всего рода Номо, который на протяжении большей части своей истории отличался видовым разнообразием, т.е. параллельным существованием нескольких видов людей. Итогом, однако, стало тотальное торжество вида Номо Sapiens, вытеснившего всех своих собратьев-конкурентов с лица планеты. Таким образом, эволюция, долгое время шедшая «ветвящимися тропами», в конце концов зарезервировала нишу «разумных приматов» только за одним видом. Произошло это благодаря преимуществам, которые человеку разумному перед другими видами людей давали его интеллектуальные способности и социальная организация. Этот перевес делал дальнейшую конкуренцию разновидностей людей нецелесообразной, расчищая перед человеком разумным путь для реализации заложенных в нем возможностей. Таким образом, утрата видового разнообразия играла на руку человеку разумному, освобождая его от обременительной конкуренции с другими видами людей за ресурсы и территории – конкуренции, которая теперь превращалась в тормоз и распыление энергии.

Аналогично действует и социальная эволюция, переходя от конкурентного многообразия социокультурных форм к единому глобальному социуму. Здесь, опять же, включалась логика отбора наиболее «удачных» и конкурентоспособных форм социальности, двигавших человеческую историю и закладывавших основу будущего глобального общества и культуры.

Список источников и литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Безлепкин Я. П.</i> Исторические исследования по Великой Отечественной войне в XXI веке.....	3
<i>Белявский А. М.</i> Роль движения «Молодая Ирландия» в формировании идеологии ирландского национализма.....	8
<i>Беляев А.А.</i> К проблеме изучения элитных слоев на белорусских землях.....	15
<i>Гронский А. Д.</i> Советская идентичность в белорусском контексте.....	20
<i>Качалов И. Л.</i> Идеология официальной народности: историография и стереотипы общественного сознания.....	28
<i>Киселев А. А.</i> Полицейское государство в Российской империи: теоретический концепт и реальность (на примере белорусских губерний).....	36
<i>Козленко А. В.</i> Концепция стратегии Византийской империи Эдварда Люттвака.....	43
<i>Николаева Л. В.</i> Отражение особенностей внешнеполитической доктрины Великого княжества Литовского конца XV – середины XVI в. в трактате Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян».....	49
<i>Шевченко К. В.</i> Историсофия галицко-русского движения в Галичине XIX века.....	56
<i>Шимов В.В.</i> Глобализация как тренд социального развития человечества.....	64

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Материалы
научно-методического семинара

(Республика Беларусь, Минск, 28 февраля 2018 года)

В авторской редакции
Ответственный за выпуск *А. А. Киселев*

Подписано в печать 21.02.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 72 экз. Заказ 38.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/238 от 24.03.2014,
№2/113 от 07.04.2014, №3/615 от 07.04.2014.
ЛП №02330/264 от 14.04.2014.
220013, Минск, П. Бровка, 6